

I. Къ исторіи русскаго государственнаго лѣснаго управленія.

(Воспоминанія изъ давно прошедшаго).

V *).

Въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, при учрежденіи его, поступили государственные лѣса, какъ собственно казенные, такъ и многіе, имѣвшіе особое назначеніе, равно и лѣса общаго владѣнія, въ коихъ имѣли участіе казна или государственные крестьяне, казенные вѣзжіе лѣса и спорные лѣса.

Собственно казенные лѣса составляли главную массу, — ихъ числилось слишкомъ 90 милліоновъ десятинъ, — тогда какъ лѣсовъ крестьянскихъ числилось около 13 милліоновъ, а другихъ лѣсовъ, имѣвшихъ особое назначеніе, около 11 милліоновъ десятинъ. Однако далеко не всѣ собственно казенные лѣса отдѣлены были отъ крестьянскихъ особыми межами. Значительная часть собственно казенныхъ лѣсовъ не были еще отмежеваны въ отдѣльныя дачи отъ крестьянскихъ, а оставались нераздѣльными преимущественно въ губерніяхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ; въ западныхъ же губерніяхъ казенные лѣса не были отдѣлены межами отъ прочихъ угодій казенныхъ имѣній. Отмежеваніе могло только послѣдовать постепенно, по мѣрѣ надѣленія государственныхъ крестьянъ уза-

*) См. I, II, III и IV вып. Лѣсн. Журн. 1883 г.
Лѣсной Журналь, № 2. 1884 г.

коненною пропорціею земли, а въ западныхъ губерніяхъ—по мѣрѣ окончанія люстраціи имѣній.

Работа эта требовала ежегодно значительныхъ межевыхъ силъ, которыя и обращены были на это Департаментомъ Сельскаго Хозяйства (въ началѣ 3-й Департаментъ), при которомъ состояли главныя межевыя силы. До выхода изъ министерства графа П. Д. Киселева надѣлы были окончены въ среднихъ губерніяхъ, кажется, во всѣхъ; въ западныхъ губерніяхъ оставалось люстраціонныхъ работъ немного, а изъ многолѣсныхъ сѣверо-восточныхъ надѣлъ землею былъ оконченъ въ Казанской, Вятской, Костромской и значительной части Вологодской губерній, такъ что въ нихъ собственно казенные лѣса большею частью вымежеваны были въ особыя дачи.

Изъ лѣсовъ, имѣющихъ особое назначеніе, преимущественное вниманіе должны были обратить на себя тѣ, которые вошли въ надѣлы государственныхъ крестьянъ. Лѣса эти оставались въ завѣдываніи лѣснаго управленія и чрезвычайно обременяли его. Съ исторіею этихъ лѣсовъ надобно ближе познакомиться, чтобы понять всю тяготу, съ какою они ложились на новую администрацію.

Сословіе государственныхъ крестьянъ, какъ извѣстно, образовалось изъ бывшихъ черносошныхъ и изъ такъ называемыхъ экономическихъ крестьянъ.

Черносошными назывались тѣ, которые занимали прежнія черныя села и деревни, т. е. которые издавна несли тягло на князей. Этыхъ-то жителей черныхъ волостей, не ранѣе какъ указомъ 1745 г. сентября 30 дня, повелѣно именовать государственными крестьянами.

На древнемъ нашемъ юридическомъ языкѣ, слова *черное* и *бѣлое* обозначали все обложенное податями въ пользу государя и все освобожденное отъ взноса податей князю, все тяглое и нетяглое на князя. Въ противоположность чернымъ крестьянамъ, были бѣлые, обѣленные или бѣломѣстцы, т. е. всѣ тѣ крестьяне, которые жили въ земляхъ, составлявшихъ частное владѣніе и собираніе податей съ которыхъ, деньгами ли или работой, предоставлено было частнымъ владѣльцамъ, такъ что крестьяне, по древнему выраженію, не тяпули на князя. Въ положеніи подобныхъ бѣломѣстцевъ находились и крестьяне, занимавшіе села и деревни, принадлежавшія монастырямъ и церквамъ, которые владѣли тѣми селами и деревнями на правѣ частной собственности. Монастыри

и церкви пріобрѣли населенныя и ненаселенныя имѣнія, отчасти куплею, но главнымъ образомъ путемъ дара или отказа на поминокъ души. У насъ, со временъ Владиміра Святаго и до половины 16-го вѣка, ни одно лицо великокняжескаго рода не умираю, не завѣщавъ что либо въ пользу церкви или не распорядившись еще при жизни о пожалованьи волостей и деревень церквамъ и монастырямъ. Частные люди, по примѣру князей, также жертвовали частью своего достоянія на поминокъ души. Монастырскихъ и церковныхъ имѣній накопилось очень много. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, въ 1551 г., первый положилъ предѣлъ дальнѣйшему распространенію церковныхъ имѣній, запретивъ отказывать монастырямъ вотчины, подъ опасеніемъ описки ихъ въ казну; однако, повелѣніе это не всегда строго исполнялось. Затѣмъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, для рѣшенія этого вопроса, созвалъ въ 1580 г. января 15, въ Москвѣ соборъ, на которомъ присутствовали митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и монастырскіе старцы. Соборъ постановилъ:

- 1) Имѣнія, отданныя уже въ монастыри и церкви,—оставить во владѣніи духовенства.
- 2) Съ 15 января 1580 г. вотчинникамъ своихъ вотчинъ по душамъ не давати, а давати за нихъ въ монастыри деньги.
- 3) Не пріобрѣтати земель куплею и закладней не держати.
- 4) Довольствоваться духовенству тѣми землями, которыми оно нынѣ владѣеть.

Сущность этого соборнаго постановленія вошла въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г., но предъ включеніемъ въ Уложеніе, царь созвалъ вновь соборъ для разсужденія о монастырскихъ имѣніяхъ.

Опытъ однако убѣдилъ, что ни къ чему не вели всѣ запрещенія о неотдачѣ земель въ монастыри, пока они сами непосредственно распоряжались и сохраняли за собою, по прежнимъ дарамъ и куплямъ, громадныя имѣнія. Вслѣдствіе того, Петръ Великій, въ 1701 г., издалъ два указа: отъ 11 марта повторилъ, чтобы монастыри не покупали и не мѣнялись землями, а въ томъ же году 30 декабря приказалъ давати въ монастыри опредѣленное количество денегъ, а вотчинами и никакими угодами монастырямъ не владѣть. вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе громадными имѣніями духовенства не оставлено въ рукахъ послѣдняго, а ввѣрено было мірскому лицу—боярину Мусину-Пушкину, который съ

помощью дьяка Ефима Зотова, вѣдалъ имѣніями въ монастырскомъ приказѣ. Съ учрежденіемъ же Святѣйшаго Синода, по указамъ 1721 г. февраля 14 и марта 3, всѣ имѣнія духовенства подчинены Святѣйшему Синоду, при которомъ учреждена въ 1726 г. коллегія экономіи синодальнаго управленія. Но уже въ 1738 году имѣнія духовенства опять переданы въ завѣдываніе свѣтской коллегіи экономіи, а въ 1744 году вновь перешли въ вѣдомство Святѣйшаго Синода. Управление этими имѣніями никакъ не могло прочно установиться: и въ рукахъ свѣтскихъ, и въ завѣдываніи духовенства, замѣчалось разореніе имѣній и накопленіе недоимокъ. Сдѣлана была еще разъ попытка устроить дѣло иначе. Въ 1757 г. Императрица Елизавета Петровна повелѣла:

- 1) Чтобы церковныя имѣнія были отданы въ управленіе оставшимъ штабъ-офицерамъ.
- 2) Деревни переложить въ помѣщичьи оклады.
- 3) Доходы собирать на монастырь, и
- 4) Расходовать изъ нихъ не болѣе того, сколько штатами назначено.

Однако, этотъ порядокъ управленія монастырскими и церковными имѣніями не долго удержался.

Въ 1764 году, императрица Екатерина II издала манифестъ, въ которомъ государыня, убѣдясь, что управленіе церковныхъ имѣній, заключающихъ въ себѣ, по послѣдней ревизіи, 910,866 душъ, для духовенства обременительно, окончательно повелѣла коллегіи экономіи принять всѣ монастырскія вотчины подъ свое вѣдѣніе и управленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ архіерейскіе дома, мужскіе и женскіе монастыри раздѣлить на 3 класса, съ назначеніемъ для каждаго особыхъ штатовъ и руги, которую они должны получать отъ коллегіи экономіи. Назначивъ въ коллегію экономіи президентомъ генераль-поручика князя Бориса Куракина, а вице-президентомъ Мамонова, императрица освободила ихъ изъ подъ вѣдѣнія Святѣйшаго Синода.

Доходы отъ бывшихъ духовныхъ имѣній стали вноситься въ государственное казначейство, а Святѣйшему Синоду ассигновали въ ежегодному отпуску сумму по штатамъ.

Такимъ образомъ, вотчины монастырскія были переданы въ казенное управленіе. Тамъ онѣ долгое время еще отличались подъ особымъ названіемъ *экономическихъ селъ* отъ селеній черносопныхъ и только съ учрежденіемъ въ 1837 г. Министерства Государственныхъ

Имущество исчезло это различіе въ именованіяхъ; оно слилось въ общемъ терминѣ „государственныхъ“ крестьянъ, называвшихся весьма часто „казенными“ крестьянами.

Между крестьянами такъ называемыми экономическими и прежними черносошными замѣчалось нѣкоторое различіе въ устройствѣ порядка пользованія землями.

Поступившія въ монастыри, въ прежнее время, села съ землями, при введѣ во владѣніе монастырямъ, описывались и имѣли, хотя не всегда точно опредѣленные, но все же границы по живымъ урочищамъ, вошедшія въ писцовыя книги, а по этимъ писцовымъ дачамъ обмежеваны тѣ села и деревни, во время генеральнаго межеванія. Хотя иногда двѣ и три деревни входили въ общій планъ генеральнаго межеванія, но преимущественно каждая деревня порознь. Напротивъ, прежніе черносошные крестьяне пользовались свободными землями (т. е. занятыми частною собственностью), насколько они находили нужнымъ для своего хозяйства. Поэтому всѣ прилегающія къ такимъ селеніямъ пустопорожнія государственныя земли и лѣса включались въ общую генеральную межу, такъ какъ занятія крестьянами земли, равно и пустопорожнія, одинаково составляли собственность одного и того же владѣльца—государства, а какъ крестьяне крѣпостныхъ документовъ не имѣли, то по общему правилу генеральнаго межеванія, земли межевали не къ имени владѣльца, но къ селеніямъ. Поэтому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ среднихъ губерній, въ большинствѣ случаевъ, заключалась въ межахъ, приписанныхъ къ деревнямъ бывшихъ черносошныхъ крестьянъ, гораздо болѣе земли, чѣмъ какою они дѣйствительно пользовались, и тутъ то, преимущественно, Министерству Государственныхъ Имуществъ предстояло надѣлять крестьянъ узаконенною пропорціей, 8 или 15-десятинною на душу, смотря по мало-или многоземелью въ данной мѣстности, хотя повелѣніе о надѣлѣ крестьянъ состоялось гораздо ранѣе.

Со времени генеральнаго межеванія, т. е. съ 1766 г., появились и крестьянскіе лѣса: этимъ терминомъ названы лѣсныя пространства, вошедшія въ окружную межу земель, отведенныхъ въ дачу казенныхъ селеній.

Уже по фортсмейстерской инструкціи 1798 г. поручено было лѣсному начальству наблюдать за крестьянскими лѣсами и раздѣлить ихъ на лѣсосѣки.

Манифестомъ же 2 апрѣля 1801 года крестьянскіе лѣса пре-

доставлены въ свободное пользованіе казеннымъ крестьянамъ, за исключеніемъ деревь, годныхъ для флота, а для предупрежденія истребленія лѣсовъ, волостнымъ правленіямъ поставлено въ обязанность раздѣлить дачи на лѣсосѣвки.

Между тѣмъ, такъ какъ части лѣсовъ, принадлежащія крестьянамъ изъ дачъ ихъ, неразмежеванныхъ съ казною, еще не были отграничены, то уставомъ о лѣсахъ 1802 г., 11 ноября, велѣно отдѣлить крестьянскіе лѣса отъ казенныхъ, выдѣлить изъ крестьянскихъ *пятыя части въ заказныя рощи*, а остальные раздѣлить на лѣсосѣвки. Затѣмъ, непосредственное вѣдѣніе крестьянскими лѣсами возложить на обязанности волостныхъ правленій. Однако, лѣсному начальству наблюдать, чтобы не вырубалась болѣе, чѣмъ лѣсосѣвка, назначенная для годоваго продовольствія.

Со времени устава о лѣсахъ 1802 г. началось надѣленіе государственныхъ крестьянъ изъ подъ лѣсовъ узаконенной пропорціей земли. Изъ числа поступающей въ надѣлъ земли, велѣно тогда отдѣлить въ крестьянскія лѣсныя дачи по 1 десятинѣ на душу, при 8-десятинной пропорціи надѣла, и по $1\frac{1}{8}$ дес. при 15-десятинной пропорціи; изъ нихъ *пятыя части* обратить въ заказныя рощи, а остальное пространство раздѣлить на лѣсосѣвки.

Дѣло это не могло быть исполнено безъ громадныхъ межевыхъ работъ, и, за неимѣніемъ на то средствъ, подвигалось чрезвычайно медленно или почти что вовсе не двигалось, а между тѣмъ до окончанія его крестьяне оставались въ стѣснительномъ положеніи. Въ 1832 году вопросъ о крестьянскихъ лѣсахъ опять выдвинулся впередъ,—и тогда приказано было выдѣлить въ заказныя рощи пространства, равныя $\frac{1}{8}$ части всѣхъ угодій селенія, и только эти рощи оставлять въ вѣдѣніи волостныхъ правленій.

Распоряженіе 1832 года началось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приводиться въ исполненіе, а какъ во многихъ среднихъ губерніяхъ даже менѣе $\frac{1}{8}$ части всѣхъ угодій заняты были лѣсами, то ихъ и передали въ вѣдѣніе волостныхъ правленій, которыя и вступали въ распоряженіе тѣми лѣсами, не обращаясь къ лѣсному начальству для дозволенія рубокъ на надобности крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приказаніе 1832 года было исполнено чрезвычайно своеобразно: гдѣ не было достаточно лѣсовъ до количества $\frac{1}{8}$ части всѣхъ крестьянскихъ угодій, отрѣзали безлѣсную землю, для разведенія на ней лѣса, и такія восьмыя доли пришлось мнѣ въ сороковыхъ годахъ видѣть, разумѣется, совер-

шенно безлѣсными, какими и прежде были (напр. въ Полтавской губерніи). Въ большинствѣ же мѣстностей, ничего не было слѣдано по приказанію 1832 года.

Съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ 1838 г. апрѣля 30, повелѣно, чтобы Палаты Государственныхъ Имуществъ завѣдывали крестьянскими лѣсами на одинаковыхъ условіяхъ съ лѣсами собственно казенными,—и тогда же постановлено: для продовольствія казенныхъ селеній дровянымъ и строевымъ лѣсомъ, Палата Государственныхъ Имуществъ дѣлаеть распоряженіе объ отводѣ изъ крестьянскихъ лѣсовъ *особыхъ временныхъ участковъ*, и кромѣ того, чтобы Палаты Государственныхъ Имуществъ предлагали стараніе *о выдачѣ сельскимъ обществамъ, въ ихъ завѣдываніе и управленіе, податныхъ лѣсныхъ участковъ*, и по выдѣлѣ таковыхъ, обратить всѣ прочіе при селеніяхъ состоящіе лѣса въ число собственно казенныхъ, прекративъ всякіе изъ нихъ безденежные отпуски государственнымъ крестьянамъ.

Замѣтныя колебанія въ порядкѣ администраціи крестьянскими лѣсами не могли не оставаться безъ вліянія на взглядъ самихъ крестьянъ въ отношеніи къ отведеннымъ имъ лѣсамъ.

Съ 1801 года успѣло укрѣпиться въ крестьянахъ убѣжденіе, что они могутъ свободно пользоваться отмежеванными въ ихъ планѣ лѣсами, тѣмъ болѣе что наблюденіе лѣснаго начальства за этими лѣсами существовало лишь на бумагѣ, а прямаго вмѣшательства въ распоряженія волостныхъ правленій не было замѣтно. Когда же, послѣ 1832 года, стали выдѣлять восьмья части въ казенныя рощи, съ передачею лишь ихъ въ завѣдываніе волостныхъ правленій, а для полученія права вырубки изъ остальныхъ лѣсовъ требовалось справить у лѣсничаго порубочный билетъ, крестьяне взглянули на это иначе, чѣмъ мѣстное управленіе: они подумали, что прямой смыслъ приказанія тотъ, чтобы восьмья части беречь, не трогать, а остальныя можно расчищать по надобности,—требованіе же порубочныхъ билетовъ есть стѣсненіе со стороны самихъ лѣсничихъ. Поэтому, расчистки приняли въ то время значительные размѣры. Усиленный же еще болѣе надзоръ за крестьянскими лѣсами, со времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, поставилъ крестьянъ въ самыя непріязненныя отношенія къ лѣсному вѣдомству. Не даромъ рассказываютъ анекдотъ, будто бы случившійся во время объѣзда графа П. Д. Киселева по Россіи. Графъ въ какомъ-то волостномъ правленіи будто бы спросилъ кре-

стьянъ: „Ну, что нынѣ легче живется“? „Какъ же не легче“—отвѣтили крестьяне— „что и говорить, нынѣ совсѣмъ легко; прежде бывало идешь къ комиссару съ тяжелымъ кулемъ на плечахъ, а нынѣ навалилъ возъ и идешь рядомъ порожнемъ, куда слѣдуетъ“.

Всѣ старанія министерства улучшить отношеніе мѣстнаго начальства къ крестьянскимъ лѣсамъ не достигали цѣли, а въ то же время выяснилась чрезвычайная неравномѣрность въ пользованіи крестьянами лѣснымъ матеріаломъ. У однихъ вовсе не было лѣсовъ; у другихъ— лѣса уже совершенно истощенные, опять у иныхъ лѣсовъ чрезъ мѣру много. Поэтому, съ начатіемъ работъ по переложенію податей съ душъ на землю, министръ государственныхъ имуществъ испросилъ въ 25 день августа 1847 года Высочайшее соизволеніе на надѣленіе крестьянъ, не имѣющихъ достаточно лѣсовъ, по возможности одностатинными на душу участками изъ казенныхъ лѣсовъ, равно и на обращеніе въ заказы истощенныхъ крестьянскихъ лѣсовъ, съ замѣною ихъ участками изъ казенныхъ дачъ; крестьянскіе лѣса раздѣлить на лѣсосѣки и опредѣливъ по уменьшеннымъ цѣнамъ стоимость лѣса, отпускаемого ежегодно, назначить эту стоимость въ видѣ добавочнаго платежа при исчисленіи дохода съ крестьянскихъ угодій для переложенія податей на землю. При этомъ было пояснено, что излишнія противу одностатинной на душу пропорціи лѣсовъ не полагается вовсе отрѣзать въ казну, но оставлять крестьянамъ, и если селенія надѣлены полною законною пропорціею земли, а въ томъ числѣ будетъ лѣсу болѣе, чѣмъ по одной десятинѣ на душу, между тѣмъ окажется недостатокъ въ пахатной, сѣнокосной или выгонной землѣ, то для сего могутъ быть назначаемы подъ разчистку нѣкоторыя части изъ крестьянскихъ лѣсовъ. При избыткѣ лѣсовъ у крестьянъ, отводить имъ къ годовому отпуску такой лишь величины лѣсосѣки, какой сами крестьяне, по мірскимъ приговорамъ, пожелаютъ получить, съ платою лѣснаго налога. Вообще и прирѣзку лѣсовъ, гдѣ таковыхъ крестьяне не имѣютъ, производить только съ согласія крестьянъ, изъявленнаго мірскими приговорами.

Съ 1847 года началась усиленная дѣятельность министерства по дѣлу обезпеченія крестьянъ лѣсами. Устройство собственно казенныхъ лѣсовъ сокращено было до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, вслѣдствіе командированія почти всѣхъ наличныхъ таксаціонныхъ партій къ работамъ по надѣлу лѣсами крестьянъ и исчисленія лѣсной подати. Однако уже съ 1858 года прекращена на-

рѣзка крестьянамъ лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ, а съ изданіемъ Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 г. объ устройствѣ быта крестьянъ, послѣдовало коренное преобразование: всѣ земли и лѣса государственныхъ крестьянъ поступили въ ихъ распоряженіе, по мѣрѣ окончанія составленія владѣнныхъ записей.

Лѣса, отведенные *колонистамъ*, находились въ томъ же положеніи, какъ и крестьянскіе.

Въ 1762 году составленъ былъ проектъ водворенія въ Россіи иностранныхъ поселенцевъ, и тогда назначено было надѣлять ихъ лѣсами, гдѣ таковыя есть. Въ 1798 г. лѣса колонистовъ поручены надзору лѣснаго начальства, а въ 1801 г., подобно крестьянскимъ лѣсамъ, предоставлены вѣдѣнію самихъ колонистовъ. Пользоваться же колонисты могли изъ отведенныхъ имъ лѣсовъ только на свои домашнія надобности.

Изъ государственныхъ лѣсовъ, имѣющихъ особое назначеніе, не были переданы въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ началѣ его учрежденія, слѣдующіе:

1. Приписанные въ разнымъ казеннымъ и частнымъ заводамъ, какъ-то: къ горнымъ, солянымъ, винокуреннымъ, оружейнымъ, пороховымъ, конскимъ, и проч., равно къ разнымъ фабрикамъ и промысламъ, кромѣ нѣкоторыхъ.

2. Назначенные для военныхъ устройствъ, какъ-то: для военныхъ поселеній, крѣпостей и проч., и состоящіе въ пользованіи инородцевъ, казачьихъ войскъ и т. д.

3. Выдѣленные монастырямъ.

Изъ лѣсовъ, приписанныхъ къ заводамъ, нѣкоторые поступили тотчасъ при учрежденіи министерства, въ завѣдываніе его, а именно:

За упраздненіемъ въ царствованіе императора Николая I всѣхъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ, кромѣ сибирскихъ, лѣса этихъ заводовъ возвращены были въ казенное лѣсное управленіе.

Равнымъ образомъ, оставлены были въ казенномъ лѣсномъ управленіи также лѣса, изъ коихъ производился отпускъ для частныхъ соляныхъ варницъ, принадлежащихъ Строгановымъ и другимъ. Начало этихъ варницъ относится ко времени царя Іоанна Грознаго, который жалованною грамотою повелѣлъ отпускать на солеварни Строгановыхъ лѣсъ. Затѣмъ, въ исполненіе повелѣнія императора Павла 1799 года, изготовленъ былъ въ 1805 году проектъ, по которому предположено отдѣлить къ означеннымъ солянымъ варницамъ 692,094 десятинъ лѣса, но это оставалось безъ

исполненія. Впослѣдствіи, по мнѣнію государственнаго совѣта 1810 г. октября 7 и по Высочайшимъ указамъ 1845 г. іюня 19, 1850 г. іюля 10, 1851 г. апрѣля 9 и 1865 г. января 19, установлено. „соляные частные промыслы, въ Пермской губерніи, подъ названіемъ Новоусольскихъ и Ленвенскихъ, принадлежащіе дому Строгановыхъ, наслѣдникамъ ихъ и другимъ лицамъ,—потребный имъ лѣсъ, дровяной на выварку соли, и строевой на разныя промысловыя надобности и для постройки всякаго рода судовъ, получаютъ изъ дачъ Слободскаго уѣзда Вятской и Соликамскаго и Черданскаго уѣздовъ Пермской губерніи, съ уплатою за оный по установленнымъ таксамъ, за строевой поенныхъ, а за дровяной посаженныхъ денегъ“. Слѣдовательно, для этихъ варницъ возникло сервитутное право.

Лѣса, состоявшіе въ пользованіи Тульского оружейнаго завода, также переданы въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ самаго начала его учрежденія. Исторія этихъ лѣсовъ слѣдующая: въ 1738 году къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ была отдѣлена часть засѣкъ Тульской и Калужской губерній, но въ 1798 г. эти лѣса подчинены казенному лѣсному управленію, которое обязано было отпускать потребный лѣсъ оружейнымъ заводамъ, сначала безпошлинно, послѣ съ расчетомъ поенныхъ и посаженныхъ денегъ, по квитанціямъ, а съ конца сороковыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, прекратилось всякое обязательство; лѣсъ оставленъ въ казенномъ лѣсномъ управленіи, а заводамъ предложено пріобрѣтать нужный лѣсъ покупкою, гдѣ и какъ сочтутъ выгоднѣе. Впрочемъ, уже въ 1838 и въ послѣдніе годы, до прекращенія обязательныхъ отношеній, Тульскіе оружейные заводы брали и заготовляли изъ казенныхъ засѣкъ только березу на ружейные приклады, а всѣ остальные лѣсные матеріалы пріобрѣтали уже ранѣе покупкою отъ торговцевъ.

Позже учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, но еще во время управленія имъ графомъ П. Д. Киселевымъ, переданы были еще нѣкоторые изъ лѣсовъ, имѣющихъ особое значеніе, а именно: лѣса бывшихъ *военныхъ поселеній*, въ Новгородской и Кіевской губерніяхъ, учрежденныхъ, какъ извѣстно, графомъ Аракчеевымъ, а съ 1848 года и лѣса *коннозаводскіе*. Начало коннозаводскихъ лѣсовъ сливается съ первыми правительственными мѣрами относительно улучшенія въ Россіи коннозаводства. При царяхъ Іоаннѣ IV и сынѣ его Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, мы

видимъ уже цѣлыя конюшенныя слободы, съ землями и лѣсами. Это были конскіе заводы. Слободы эти были, вѣроятно, обширныя, судя по доходу, какой получалъ съ нихъ правитель Борисъ Годуновъ. При императорѣ Павлѣ I, указомъ 1721 г. января 16, дворцовыя и конюшенныя деревни соединены въ одно вѣдомство, и по сборамъ и рекрутскимъ повинностямъ сравнены съ помѣщичьими имѣніями и подчинены камеръ-коллегіи (палатѣ дворцу Баскакову). Императрица Анна Іоанновна увеличила число конскихъ заводовъ, съ припискою къ нимъ земель и лѣсовъ, а въ 1733 году поручила ихъ конюшенной канцеляріи. Послѣ того, указомъ 1760 г. мая 20, въ Нижнеомовскомъ уѣздѣ даны деревни и лѣса для учрежденія конскаго завода, въ г. Почникахъ, для лейбъ-гвардіи коннаго полка. Императоръ Александръ I раздѣлилъ конскіе заводы на дворцовые и военные. Первые подчинены дворцовому, а вторые коннозаводскому управленію. Въ 1843 году учреждено особое управленіе государственнаго коннозаводства, въ вѣдѣніе котораго поступили и лѣса коннозаводскіе, но въ 1848 году управленіе государственнаго коннозаводства присоединено къ Министерству Государственныхъ Имуществъ и тогда всѣ лѣса переданы въ вѣдѣніе Лѣснаго Департамента, гдѣ и остались, не смотря на всѣ послѣдовавшія перемѣны въ Главномъ Управленіи государственнаго коннозаводства.

Лѣса, приписанные къ горнымъ заводамъ, не были переданы при графѣ П. Д. Киселевѣ въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, а оставались въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ. Переходъ этихъ лѣсовъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ послѣдовалъ лишь съ присоединеніемъ къ нему въ 1875 году Горнаго Департамента, но лѣса еще не изъяты изъ заводскаго управленія и пока состоятъ на особомъ положеніи.

Начало заводскимъ лѣсамъ положено въ 1558 г. Іоанномъ IV, который пожаловалъ именитымъ людямъ Строгановымъ разныя угодья въ Великой Перми. При Петрѣ Великомъ отдѣленіе лѣсовъ къ заводамъ усилилось. Въ послѣдствіи заводы и фабрики строились по высочайшимъ именнымъ и сенатскимъ указамъ и по дозволеніямъ бывшей бергъ-и мануфактуръ коллегіи, на порожнихъ и дикихъ поляхъ и на покупныхъ владѣльческихъ земляхъ. При утвержденіи въ 1766 г. генеральнаго межеванія постановлено было правиломъ: къ заводамъ и фабрикамъ, построеннымъ на казенныхъ земляхъ, по данному дозволенію, оставлять земли столько, сколько содержатели заводовъ требуютъ будутъ, за установленную казен-

ную (по табели) плату, и притомъ *одинаковую*, если построились *по отводу* отъ казны; а если учредили заводы безъ отвода, то за тройную цѣну. Частнымъ заводамъ намѣряли землю только въ пропорціи, положенной подъ заводъ, а земли подъ лѣсами не присвоились заводамъ, но оставались казенными и давались заводамъ только на заводское употребленіе. Частные горные заводы состояли и состоятъ до нынѣ или на правѣ владѣльческой собственности, или на правѣ посессіонномъ (т. е. послѣдніе—тѣ, которые получили отъ казны пособіе въ видѣ отвода земли или лѣса на дѣйствиіе). Посессіонные заводы уплачиваютъ возвышенную пошлину за выплавку металла. Только для горныхъ заводахъ, на посессіонномъ правѣ состоящихъ, отводятъ казенные лѣса для дѣйствиія заводовъ на вѣчныя времена, а для заводовъ на правѣ владѣльческой собственности прекращенъ отводъ казенныхъ лѣсовъ съ 1782 года. Лѣса горнаго вѣдомства, при Еватеринѣ II, состояли въ вѣдѣніи бергъ-коллегіи; даже позже, когда въ 1798 г. всѣ лѣса были переданы въ управленіе особаго лѣснаго департамента, учрежденнаго при адмиралтействъ-коллегіи, то и тогда отведенныя для продовольствія заводовъ лѣсныя дачи оставлены были въ полномъ распоряженіи бергъ-коллегіи. Позже, по манифесту 8 сентября 1802 г., съ учрежденіемъ министерствъ, лѣсной департаментъ причисленъ былъ къ министерству финансовъ, и тогда лѣсному департаменту подчинены всѣ казенные лѣса, не исключая и заводскихъ. Однако, такое подчиненіе продолжалось не долго. Уже въ 1806 г. 13 іюля учрежденъ былъ Горный Департаментъ и Горныя Правленія,—и имъ переданы въ завѣдываніе всѣ лѣса, приграниченныя къ казеннымъ и частнымъ горнымъ заводамъ; но лѣсному начальству велѣно было имѣть наблюденіе за горнозаводскими лѣсами. Въ такомъ положеніи находились они при учреженіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, которое, однако, не имѣя средствъ къ наблюденію за сими лѣсами, тяготилось такою обязанностью и поэтому, въ 1849 г. 12 января, горнозаводскіе лѣса изъяты были отъ всякаго вліянія на нихъ казеннаго лѣснаго управленія.

Важнѣйшую часть лѣсовъ, имѣвшихъ особое назначеніе и переданныхъ въ самомъ началѣ въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, составляли *корабельныя роши*, которыя отдѣлены были изъ лѣсныхъ дачъ въ постоянный запасъ, для всегдашняго снабженія флота строевымъ матеріаломъ. Исторія корабельныхъ рощъ слѣдующая. Петръ Великій смотрѣлъ на лѣса.

какъ на хранилище строительныхъ матеріаловъ для сооруженія флота и для удовлетворенія другихъ государственныхъ потребностей. Въ этихъ видахъ, уже въ 1703 и 1705 годахъ, древесныя породы: дубъ, илимъ, вязъ, кленъ, ясень, лиственница и мачтовая сосна, были названы *заповѣдными* и рубка ихъ для другихъ, кромѣ казенныхъ, надобностей, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ лѣсахъ, была запрещена, на извѣстномъ разстояніи отъ рѣкъ. Кромѣ всѣхъ заповѣдныхъ породъ, при Петрѣ Великомъ назначались собственно для адмиралтейства еще и особыя пространства лѣсовъ, по берегамъ рѣкъ Невы, Тосны и Охты, въ 7 верстномъ разстояніи и на разстояніи 2 версты отъ другихъ рѣкъ, въ Неву впадающихъ, и отъ береговъ моря. Лѣса эти уже въ 1720 году велѣно было обмежевать и раздѣлить дорогами на части, а между Петергофомъ и Лиговкой была рубка лѣса вовсе запрещена. Въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны началось отдѣленіе особыхъ лѣсныхъ пространствъ подъ названіемъ *казенныхъ рощъ*, съ цѣлю сохраненія запасовъ корабельнаго лѣса. Императрица Екатерина II, предоставивъ указомъ 1782 г. частныя лѣса въ полное распоряженіе ихъ владѣльцевъ, исключила и заповѣдныя породы деревъ, тамъ произрастающія, отъ запрещенія рубки. Но въ то же время, озабочиваясь, чтобы потребности флота были обеспечены запасами государственныхъ лѣсовъ, императрица двумя указами 28 марта 1786 г., данными губернаторамъ губерній сѣверной и средней полосы Россіи, между прочимъ, подписала: „изъ лѣсовъ, данныхъ заводамъ и фабрикамъ, также всѣмъ селеніямъ и деревнямъ вѣдомства директоровъ домоводства,—отдѣлить, окопать рвами и беречь на государственное кораблестроеніе, *пятью частями высокоствольныхъ лѣсовъ* 1-й и 3-й статей, во всѣхъ лѣсныхъ дачахъ, выбирая преимущественно участки вдоль большихъ судоходныхъ рѣкъ и притоковъ ихъ, лежащіе также по морскому берегу и близъ морскихъ пристаней“. Эти пять части названы *казенными рощами*. Императоръ Павелъ, въ инструкціяхъ оберъ-форстмейстеру и форстмейстерамъ, 1798 г. марта 12, подтвердилъ, чтобы выдѣлять пятью частями въ заказъ. Затѣмъ, по указу 18 августа 1803 года, командированы были три лѣсныя коммиссіи для приведенія лѣсовъ въ извѣстность. Съ этого времени названіе заповѣдныхъ лѣсовъ, въ смыслѣ исключительно предназначенныхъ для флота, исчезаетъ изъ нашихъ лѣсныхъ постановленій; мѣсто ихъ заступаетъ названіе: „*корабельные*“ лѣса.

Въ инструкціи лѣснымъ комиссіямъ дано опредѣленіе, что считать корабельнымъ лѣсомъ. Для составленія постоянного запаса на всегдашнее снабженіе флотовъ строительнымъ матеріаломъ, велѣно выдѣлять *корабельныя рощи*, въ разныхъ губерніяхъ, т. е. части лѣсныхъ дачъ, лучшія по качеству почвы, по добротѣ произрастающихъ корабельныхъ деревъ и по удобности мѣстоположенія къ ихъ сохраненію, вывозкѣ и сплаву.

Западные лѣса, обезпечивающіе потребности флота, состояли до 1802 года въ завѣдываніи адмиралтействъ-коллегіи. Съ передачею въ 1802 году Лѣснаго Департамента въ составъ Министерства Финансовъ, всѣ лѣса, въ томъ числѣ и корабельные, подчинены надзору и завѣдыванію того же Департамента. Когда, по указу 25 іюня 1811 года, съ упраздненіемъ Лѣснаго Департамента, при Министерствѣ Финансовъ открытъ былъ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, то на него возложено и управленіе лѣсами, состоявшими въ вѣдѣніи Лѣснаго Департамента. Но въ 1817 году, 25 августа, изданъ проектъ устава о корабельныхъ лѣсахъ, по которому для обезпеченія флота предположено учредить три округа корабельныхъ лѣсовъ: Низовый, Сѣверный и Западный. Низовый округъ тотчасъ же и открылъ управленіе свое въ Казани. Между прочимъ, назначено было, по Низовому округу, выдѣлять 300 дубовыхъ корабельныхъ рощъ, каждую величиною по 300 десятинъ. Такихъ, какъ ихъ называли „*трехсотенныхъ рощей*“ и было въ теченіи 1818 и 1819 годовъ, выдѣлено сто. Но уже съ 1820 года стали выдѣлять не одни дубовые, а всѣ признаваемые годными и благонадежными, лѣса дубовые, лиственничные и сосновые. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдѣлъ корабельныхъ рощъ произведенъ былъ весьма тщательный и вполне соответствующій назначенію. Я видѣлъ нѣсколько такихъ добросовѣстно выдѣленныхъ рощъ въ Вятской и Казанской губерніяхъ. Но за то во многихъ мѣстахъ были выдѣлены рощи, вовсе не соответствующія; такъ напримѣръ, мною были подробно осмотрѣны 30 дубовыхъ корабельныхъ рощъ въ Тамбовской, въ двухъ уѣздахъ: Пензенской, (въ Краснослободскомъ уѣздѣ) и Нижегородской губерній, (въ Лукояновскомъ уѣздѣ). Боже мой, что за рощи это были въ началѣ пятидесятихъ годовъ! Во многихъ ни единого дуба не было; въ большинствѣ же преобладала осина и липа, а дубъ въ малой примѣси. Старожилы отзывались, что лѣсъ тамъ былъ искони вѣковъ такой. Старые лошмана рассказывали, что въ тридцатыхъ годахъ

заготовляли для флота дубовый лѣсъ и искали во всѣхъ рощахъ названныхъ губерній пригодныхъ деревь, но нашли только 50 годныхъ стволонъ, которыми могли воспользоваться и вывезти ихъ.

Значительныя злоупотребленія по заготовкамъ корабельныхъ лѣсовъ послужили поводомъ къ учрежденію въ 1828 году особаго департамента корабельныхъ лѣсовъ, подвѣдомственнаго Морскому Министерству. Положеніе хотя и было утверждено въ 1828 году, но въ дѣйствительности открытіе департамента корабельныхъ лѣсовъ замедлилось и послѣдовало только 5 ноября 1829 года. Этому департаменту поручено завѣдываніе корабельными лѣсами и рощами, приготовленіе и доставка къ портамъ нужныхъ флоту деревь. Мѣстное управленіе корабельными рощами все-таки возлагалось на лѣсничихъ казенныхъ лѣсовъ, а со стороны департамента корабельныхъ лѣсовъ производилась только ревизія рощъ, и въ немногихъ лишь мѣстахъ, начиная съ 1834 года, кромѣ лѣсничихъ казенныхъ лѣсовъ, въ вѣденіи коихъ продолжали состоять корабельныя рощи, приставлены были еще и особые лѣсничіе со стороны департамента корабельныхъ лѣсовъ. Но такая организація, съ двойственнымъ надзоромъ, никуда не годилась. Я засталъ, на примѣръ, такой надзоръ въ рощахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи и Краснослободскомъ Пензенской губерніи, гдѣ для обоихъ уѣздовъ командированъ былъ надзирать за рощами чиновникъ отъ департамента корабельныхъ лѣсовъ. Въ упомянутой мѣстности корабельныя рощи расположены были въ трехъ казенныхъ лѣсничествахъ, и такъ какъ у каждаго изъ казенныхъ лѣсничихъ въ завѣдываніи находились значительныя лѣсныя площади, то они стали менѣ обращать вниманія на корабельныя, надѣясь, что за ними будетъ строго слѣдить чиновникъ морскаго вѣдомства, специально для рощъ приставленный. Между тѣмъ, морской чиновникъ, въ свою очередь, полагая, что казенному лѣсничему, каждому въ своемъ лѣсничествѣ, удобнѣе присмотрѣть за рощами, рѣдко заглядывалъ туда, такъ какъ разстояніе между рощами далекое и проѣзды неудобны и дороги, а развѣздныхъ денегъ отпускалось мало.

Такимъ образомъ, присмотръ за корабельными рощами былъ, при совокупномъ наблюденіи двухъ лицъ, слабѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ наблюденіе лежало на одномъ казенномъ лѣсничемъ. Если за всѣмъ тѣмъ въ корабельныхъ рощахъ только рѣдко бывали самовольныя порубки, то обстоятельство это было прямымъ слѣд-

ствіемъ особаго страха у всѣхъ крестьянъ касаться корабельнаго лѣса, тѣмъ болѣе когда столь же сподручны были некорабельные лѣса.

Въ такомъ положеніи застало Министерството Государственныхъ Имуществъ организацію надзора за корабельными лѣсами. Законъ о воспрещеніи рубки заповѣдныхъ породъ деревъ оставался въ полной силѣ. Изъ зановѣдныхъ породъ деревъ могли быть назначаемы къ рубкѣ и продажѣ лишь тѣ деревья, которыя напередъ будутъ забракованы на мѣстахъ и признаны негодными для флота и неблагонадежными для достиженія размѣровъ, требуемыхъ отъ корабельнаго лѣса. Правда, что уже по указу 18 августа 1803 г., въ инструкціи, данной лѣснымъ комиссіямъ, оговорено было, что сосновыя мачтовыя и большемѣрныя деревья составляютъ корабельные лѣса „не по роду ихъ токмо, а по добротѣ и по удобству доставлять къ пристанямъ и портамъ“,—однако, какъ опредѣленіе годности деревъ для флота, такъ и удобства или неудобности доставки къ адмиралтействамъ, могло быть рѣшаемо не Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, а лишь морскимъ вѣдомствомъ, заготовлявшимъ потребный для флота лѣсъ, то въ рѣдкихъ случаяхъ можно было, при нѣсколькихъ значительныхъ продажахъ лѣса, обойтись безъ просьбы, чтобы департаментомъ корабельныхъ лѣсовъ командированы были довѣренные чины для освидѣтельствованія годности или негодности для флота назначаемыхъ въ продажу лѣсовъ. Посылка отъ морскаго вѣдомства комиссіонеровъ для заклеяменія пригодныхъ флоту деревъ, по необходимости, замедлялась, такъ какъ число комиссіонеровъ было велико, чрезъ что продажа казенныхъ лѣсовъ затягивалась и выручка лѣсныхъ доходовъ не могла достигать желаемыхъ и возможныхъ размѣровъ. Вслѣдствіе того, понятнo, отношенія между департаментами лѣснымъ и корабельныхъ лѣсовъ не могли оставаться пріязненными; это еще болѣе тормазило самое дѣло, возникали пререканія, множество неудовольствій отъ обвиненій, возбуждаемыхъ то однимъ, то другимъ департаментомъ другъ противъ друга. Лѣсной департаментъ обвинялъ департаментъ корабельныхъ лѣсовъ, что тотъ уклоняется отъ своевременнаго освидѣтельствованія лѣсовъ, что клеймитъ часто безъ всякой надобности въ годность флоту такія деревья, которыя онъ же чрезъ нѣсколько лѣтъ объявляетъ фаутными, что при заготовкахъ срубаетъ множество деревъ, которыя послѣ оставляетъ, какъ негодныя, въ лѣсу,

а нерѣдко даже тратитъ расходы на вывозку къ пристанямъ и тамъ забраковываетъ и передаетъ для продажи лѣсному вѣдомству. И въ такомъ родѣ высказывалось много. Съ своей стороны, и департаментъ корабельныхъ лѣсовъ не оставался въ долгу, обвинялъ лѣсное вѣдомство въ истребленіи лѣсовъ сильными продажами ихъ и упрекалъ, что, благодаря лѣсному вѣдомству, теперь во многихъ лѣсахъ Россіи, гдѣ были большіе запасы мачтовыхъ деревь, ихъ не осталось и слѣда, а на тѣхъ мачтовыхъ деревьяхъ, какія прежде были, уже развиваются французскіе и англійскіе флаги. Натянутыя отношенія, которыя, пожалуй, и не могли быть иными между двумя вѣдомствами, преслѣдовавшими совершенно противоположныя цѣли, во всякомъ случаѣ вредили успѣху дѣла и долго не могли продолжаться. Лѣсное вѣдомство ставило свою задачу, при непремѣнномъ сохраненіи лѣсовъ въ цѣлости, извлекать изъ нихъ возможно большій доходъ, департаментъ же корабельныхъ лѣсовъ отвергалъ законность взгляда на лѣса, какъ на источникъ доходовъ и отстаивалъ взглядъ, по которому всѣ интересы лѣснаго управленія должны подчиняться одному высшему началу: удовлетворенію лѣсными матеріалами надобностей адмиралтействъ.

Страннымъ кажется, что официально никогда не затрогивался вопросъ: развѣ потребности флота въ лѣсномъ матеріалѣ такъ велики, что ихъ трудно удовлетворить покупкою по вольнымъ цѣнамъ, а нужно непременно стѣснять эксплуатацію на обширныхъ площадяхъ лѣсовъ. Если бы этотъ вопросъ былъ поднятъ, то оказалось бы, что для самыхъ большихъ адмиралтействъ, С.-Петербургскаго и Кронштадтскаго, требовалось въ годъ по нормальному наряду, дубоваго лѣса:

Дубовыхъ кражей отъ 8 до 35 футовъ длины и отъ 12 до 35 дюймовъ толщины	2,860	штукъ
Книць отъ 5 до 12 футовъ длины и отъ 10 до 18 дюймовъ толщины	500	„
Шпангоутовъ отъ 6 до 10 футовъ длины и отъ 7 до 8 дюймовъ толщины	710	„
Итого		4,070

Всего 131,000 кубич. футовъ, т. е. количество ничтожное, сравнительно съ площадью лѣсовъ.

Въ виду невозможности оставить въ прежнемъ двойственномъ положеніи существующее управленіе лѣсами, послѣдовало 1853 года 25 декабря Высочайшее повелѣніе присоединить департаментъ корабельныхъ лѣсовъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Министерству Государственныхъ Имуществъ предоставлено произвести описаніе и оцѣнку уже выдѣленныхъ корабельныхъ роцъ и выдѣлить вновь тѣ части казенныхъ лѣсовъ, какія признаетъ нужнымъ. Заготовленіе и доставка къ портамъ лѣсовъ оставлена на обязанности Морскаго Министерства. Прошло за тѣмъ не много лѣтъ и морское вѣдомство признало возможнымъ, взаимнъ заготовленія собственнымъ распоряженіемъ нужнаго флоту лѣса изъ казенныхъ дачъ, снабжать адмиралтейства лѣсами покупкою у частныхъ лицъ, съ торговъ, отказываясь отъ права брать лѣсъ безплатно изъ казенныхъ дачъ. Это привело къ закрытію Департамента корабельныхъ лѣсовъ, по Высочайшему повелѣнію 1859 года.

Въ числѣ лѣсовъ, перешедшихъ въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, находились также лѣса общаго владѣнія, въ коихъ имѣла участіе казна, либо государственные крестьяне, и казенные вѣвзжіе лѣса. Тѣ и другіе возникли со времени генеральнаго межеванія, къ которому приступить повелѣно было въ 1765 году Императрицею Екатериною II.

Межеваніе это, какъ мѣра юридическая, основывалось на документахъ, утверждавшихъ право на поземельное владѣніе. Земли межевались не къ именамъ владѣльцевъ, а къ селеніямъ и деревнямъ, а пустоши къ ихъ названіямъ. Ненаселенныя, нигдѣмъ незанятныя, земли, такъ называвшіяся дикія поля, все равно безлѣсныя или поросшія лѣсомъ, когда вблизи селеній не было, обмежевывались въ особыя дачи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ старыхъ документахъ пашенная и луговая земля означалась для каждаго селенія опредѣленною мѣрою, а лѣсъ безъ опредѣленной мѣры значился къ нѣсколькимъ селеніямъ, пашня и луга отмежевывались къ каждому селенію, а лѣсъ обходился общею межею ко всѣмъ поименованнымъ селеніямъ, *въ общее* ихъ владѣніе. Напримѣръ, къ селу Петровки пашни 100 четвертей въ поле, въ дву по тому жъ, сѣнныхъ покосовъ 500 копень, и лѣсу въ Вершнемъ бѣгѣ съ деревнями Ивановкой, Копытовой, Селищемъ и т. д. Въ такомъ случаѣ отмѣря-

лось по генеральному межеванію на пашни 100 четвертей, а въ дву по тому-жь, 150 десятинъ, покосу 500 копенъ, по одной десятинѣ на каждыя 10 копенъ, всего 50 десятинъ, а весь лѣсъ Вершній бѣгъ, если его границы въ писцовыхъ книгахъ описаны по живымъ урочищамъ, сколько его окажется по межеванію, подлежалъ раздѣленію, по разсмотрѣнію въ судебномъ мѣстѣ, между всѣми деревнями, за которыми написанъ, соразмѣрно владѣемой ими пашенной земли, а до судебного разбираательства весь лѣсъ считался общимъ.

Если же лѣсъ, по писцовымъ книгамъ, ни къ какому селенію особо не былъ утвержденъ, а даны только вѣзды нѣкоторымъ селеніямъ въ этотъ лѣсъ, тогда такой лѣсъ обходился при генеральномъ межеваніи особою межою и зачислялся казеннымъ вѣзжимъ лѣсомъ. Чаще всего вѣзды въ казенные лѣса давались при отводѣ въ старое время служилымъ людямъ помѣстьевъ, по окладу. Тогда случалось, что въ отводимомъ помѣстьѣ при селахъ не было лѣсу, а вблизи ихъ имѣлся казенный лѣсъ, изъ коего и дозволялось нѣсколькимъ помѣщикамъ брать нужный на продовольствіе жителей лѣсной матеріалъ, т. е. давался вѣздъ. А такъ какъ, по соображенію съ древними обычаями, принято было при генеральномъ межеваніи, чтобы всѣ дачи, отведенныя изъ дивихъ полей, межевать по слѣдующему разчисленію: на каждыя данныя 100 четвертей въ поле и въ дву по тому-жь, отводить 150 десят., сверхъ того, подъ усадьбы и на выгонъ 5, на сѣнные покосы 25, на лѣсныя угодыя 20 десятинъ, то и владѣльцамъ, имѣющимъ право вѣзда въ казенные лѣса, по представленіи ими крѣпостей, судебное мѣсто утверждаетъ за каждымъ вѣзжимъ владѣльцемъ по 20 десятинъ на каждыя владѣемыя имъ писцовыя 100 четвертей пахати.

9. Арнольдъ.

II. Русская лѣсохозяйственная лѣтопись за прошлый 1883 годъ.

(ОТЗВЫ ПЕЧАТИ О РУССКОМЪ ЛѢСНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ).

Общій характеръ лѣтописи.—Лѣсные пожары.—Поврежденіе лѣсовъ насѣкомыми.—Опустошеніе еловыхъ насажденій короѣдомъ.—Обращеніе вниманія печати и земства на сохраненіе насѣкомоядныхъ птицъ.—Поврежденіе лѣса засухою и бурями.—Истребленіе лѣсовъ хищническимъ пользованіемъ ими лѣсовладѣльцами, а также самовольными порубщиками.—Проектъ новаго лѣсоохранительнаго закона.—Отзывы печати объ основныхъ положеніяхъ этого проекта.—Новая защита билетной системы „Московскими Вѣдомостями“.—Взглядъ на билетную систему другихъ органовъ печати.—Ходатайство Лепельскихъ землевладѣльцевъ.—Лѣсныя преступленія вслѣдствіе невѣжества и крайней нужды.—Нѣсколько фактовъ изъ судебной уголовной хроники.—Гражданскій процессъ князя Туманова съ г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ.—Учрежденіе премій имени графа П. А. Валуева въ награду за труды и успѣхи по лѣсоразведенію, а также и по осушенію болотъ.—Проектъ поощренія лѣсоразведенія.—Успѣхи лѣснаго хозяйства въ общественныхъ и частныхъ лѣсахъ.—Земская дѣятельность по лѣсному вопросу.—Труды ученыхъ обществъ по различнымъ вопросамъ лѣснаго хозяйства.—Лѣсоводство на мѣстныхъ губернскихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ.—Состояніе лѣсной торговли.—Нужды крайняго сѣвера и эксплуатація тамошнихъ казенныхъ лѣсовъ.—Благія послѣдствія новыхъ порядковъ при продажѣ древесныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ лѣсовъ.

Вопреки французской пословицы: „Les jours se suivent et ne se ressemblent pas“—прошлый годъ въ общемъ ничѣмъ не отличался, въ лѣсохозяйственномъ отношеніи, отъ предыдущихъ лѣтъ, а потому и наша лѣтопись, какъ хроника событій этого года, имѣющихъ какое либо значеніе для русскаго лѣснаго хозяйства, по необходимости будетъ преимущественно хроникою всероссійскаго лѣсоистребленія... Пожары, насѣкомья, бури-ураганы и то-

поръ лѣсовладѣльца, а порой и самовольнаго порубщика, усердно трудились надъ уничтоженіемъ доставшагося намъ дѣдовскаго наслѣдства, накопленнаго столѣтіями.

— Съ ранней весны до поздней осени *горѣли лѣса* и, по выраженію поэта:

„. покрывались небеса
Чернымъ дымомъ, какъ вуалью...“

Не одна тысяча десятинъ погибла безвозвратно, причемъ не только потеряны для народнаго богатства милліоны рублей, но и явилась опасность дальнѣйшаго усиленнаго лѣсоистребленія въ будущемъ, отъ размноженія на лѣсныхъ пожарищахъ вредныхъ насѣкомыхъ, такъ какъ оба эти бѣдствія, при экстензивномъ лѣсномъ хозяйствѣ, почти всегда идутъ одинъ за другимъ. Къ сожалѣнію, газетныя извѣстія о лѣсныхъ пожарахъ прошлаго года большею частью весьма кратки и лаконичны; часто они встрѣчаются только въ видѣ телеграфныхъ депешъ. Такъ

„*Русскимъ Вѣдомостямъ*“ пинуть въ маѣ изъ *Пинеги* (Архангельской губ.), что

„въ окрестностяхъ города *не прекращаются лѣсные пожары*. Способы тушенія крайне примитивны и не удивительно, что *каждое лѣто выгораютъ десятки тысячъ десятинъ казенныхъ лѣсовъ*. Тушеніе лѣсныхъ пожаровъ производится здѣсь такимъ образомъ: объѣздки (участки которыхъ заключаютъ въ себѣ по сто тысячъ десятинъ) извѣщаютъ лѣсничихъ, что въ такой-то дачѣ горитъ лѣсъ, причемъ извѣщенія эти приходятъ обыкновенно тогда, когда огонь охватилъ уже значительное пространство; лѣсничій обращается къ полиціи о высылкѣ ближайшихъ крестьянъ для тушенія пожара, крестьяне всѣми неправдами (особенно въ страдную пору) уклоняются отъ возложеннаго на нихъ порученія или же, прійдя на пожаръ, ничего не дѣлаютъ; *лѣсъ же горитъ до тѣхъ поръ, пока ужъ и горитъ нечему*. Усердіе крестьянъ къ отстаиванію казеннаго имущества парализуется въ значительной мѣрѣ 580 статьей лѣснаго устава, по которой за тушеніе пожаровъ ближе чѣмъ на 15 верстъ отъ ихъ деревень они не получаютъ никакого вознагражденія; между тѣмъ, на пожарахъ приходится терять не менѣе 10 дней въ лѣто, которое здѣсь и безъ того коротко, и харчиться на свой счетъ“¹⁾.

„*Новости*“ сообщаютъ въ іюлѣ о двухъ лѣсныхъ пожарахъ въ *Орловскомъ уездѣ Вятской губерціи*:

„За рѣкой Вяткой болѣе недѣли горитъ лѣсъ, носящій названіе „*Пашково болото*“. Засуха и сильный вѣтеръ способствуютъ дальнѣйшему распро-

¹⁾ „*Новости*“ 1883 г., № 69.

страненію огня, который перебрасываетъ въ весьма отдаленныя отъ пожара мѣста. Въ городѣ жители не знаютъ, куда дѣваться отъ страшнаго дыма. Продолжительность и распространенію пожара много способствуетъ то, что *мѣстные крестьяне рѣшительно отказываются тушить его*, мотивируя свой отказъ, во-первыхъ, рабочимъ временемъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что раньше изъ этого лѣса имъ бѣльза было взять ни одного полѣна и поэтому тушить пожаръ они не намѣрены. Постоянно усиливающейся дымъ даетъ поводъ предполагать, что начинаютъ горѣть уже казенные лѣса“¹⁾.

Далѣе:

„Въ *Пецальской казенной дачѣ* случился большой пожаръ, продолжавшійся *восемь дней*. Огнемъ истреблены хворостъ, валежникъ и вершинникъ, занимающіе *пространство въ восемь верстъ длины и до пяти верстъ ширины*. Причина пожара осталась неизвѣстна“²⁾.

Въ той же газетѣ помѣщено извѣстіе и о пожарѣ въ *Вятскомъ уѣздѣ*:

„Въ *Кетчинской дачѣ* сгорѣлъ лѣсъ на *пространствѣ 7 верстъ въ длину и 5 верстъ въ ширину*“³⁾.

Уже раннею весною въ окрестностяхъ *Оренбурга* начались *напольные пожары*; одинъ изъ нихъ, по словамъ „*Русскаго Курьера*“, захватилъ десятиверстное пространство.

„При этомъ *напольный огонь* подошелъ къ рощѣ, въ которой обгорѣло много деревьевъ. Нѣкоторые свидѣтели этого происшествія доказываютъ, что *напольный огонь былъ пущенъ съ намѣреніемъ воспользоваться лѣсомъ*“⁴⁾.

Въ *Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи*, по словамъ „*Казанскаго Листка*“:

„Не унимаются *башкиры* въ придумываніи разнаго рода способовъ отмстить за свои башкирскія земли теперешнимъ ихъ владѣльцамъ. 2 мая съ *четырехъ сторонъ* подошли они, при *сильномъ вѣтрѣ*, лѣсъ въ имѣніи владѣльца К., близъ деревни *Томьяны*, и, такимъ образомъ, истребили начисто громадную площадь прекраснаго молодого лѣса. Начавшійся было прекращаться пожаръ черезъ 1½ сутокъ былъ снова усиленъ стараніями тѣхъ же башкиръ, и при хуторѣ *землевладѣльца Ольшевскаго* выгорѣла тоже немалая площадь лѣса, уже строеваго“⁵⁾.

Поджоги лѣсовъ встрѣчаются не только въ восточныхъ, но и въ западныхъ губерніяхъ, какъ это видно изъ письма *Вилейскаго* (Виленьской губ.) корреспондента газеты „*Новости*“:

1) *Новости*, № 130.

2) *Idem*, № 161.

3) *Idem*, № 168.

4) *Idem*, № 18.

5) *Idem*, №№ 42 и 61.

„Лѣсные пожары ежегодно опустошаютъ не мало дачъ, нанося чувствительные убытки лѣсовладѣльцамъ. Въ концѣ юня чуть не произошелъ пожаръ, грозившій принять громадныя размѣры. *Нѣсколько крестьянъ, въ разныхъ мѣстахъ лѣсной дачи генерала Дубельта, разложили огонь съ цѣлю совершить поджогъ.* По счастью, они были застигнуты на мѣстѣ преступленія; въ противномъ случаѣ, при стоявшей тогда засухѣ и сильномъ вѣтрѣ, пожаръ уничтожилъ бы громадную площадь на значительную сумму“¹⁾.

О лѣсныхъ пожарахъ въ *Новгородской губерніи*, какъ „неразлучныхъ спутникахъ сильныхъ пожаровъ“, случившихся въ половинѣ юня въ *казенныхъ лѣсныхъ дачахъ вблизи Кирилова и Тихвина*, мы знаемъ только по телеграфнымъ депешамъ²⁾.

На *Московско-Нижегородской желѣзной дорогѣ близъ станціи Черная*, въ 35 верстахъ отъ Нижняго, загорѣлся 15 юля, какъ сообщаютъ „*Русскія Вѣдомости*“, лѣсъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, отъ искры изъ паровоза желѣзной дороги.

„Это случилось въ половинѣ десятаго часа утра, а къ вечеру пожаръ распространился уже на двадцать верстъ длиною, такъ какъ эта часть *Балашихинскаго уѣзда* сплошь покрыта лѣсами. *Сгорѣлъ почти исключительно казенный лѣсъ.* Для тушенія пожара были собраны изъ окрестныхъ деревень по одному человѣку отъ каждаго двора и присланы изъ Нижняго войска“³⁾.

Благодаря небрежности управленія *Московско-Рязанской желѣзной дороги*:

„29-го апрѣля, въ часъ дня, на 26-й верстѣ отъ Москвы, по линіи этой дороги, у самаго полотно отъ искры, вылетѣвшей изъ трубы локомотива проходившаго поѣзда, *загорѣлась*, по словамъ „*Московского Листка*“, трава, оставшаяся нескошеной отъ прошлаго лѣта. *Огонь вскорѣ перешелъ на смежный съ нею лѣсъ*, принадлежавшій крестьянину Шорину. Пожаръ принялъ громадныя размѣры, такъ что къ утру другаго дня *огонь уничтожилъ до 200 десятинъ дровянаго лѣса, стоящаго*, какъ говорятъ, *до 40,000 рублей*, и затѣмъ все-таки прекращенъ не былъ. Опасаются, что пламя можетъ перейти на смежный лѣсъ г. Орлова. Локомотивы *Московско-Рязанской дороги* отопиваются каменнымъ углемъ и трубы ихъ не имѣютъ рѣшетокъ, благодаря чему искры летятъ свободно по обѣ стороны дороги. Отвѣтственность за этотъ пожаръ всецѣло падаетъ на общество желѣзной дороги, которое, вѣроятно, и должно будетъ за него заплатить“⁴⁾.

Въ *Владимірской губерніи*, въ окрестностяхъ *Коврова* „часто горѣли лѣса“ въ юнѣ⁵⁾, а въ *Вязниковскомъ уѣздѣ*:

1) „Новости“ 1883 г., № 101.

2) Idem, № 75 и „Новое Время“ №№ 2615 и 2623.

3) „Петербургская Газета“ 1883 г. № 199.

4) Idem, № 119.

5) Idem, № 156 и „Новости“ 1883 г., № 67.

1883 г. Кононова и Морозова выорало въ августѣ лѣсу на шестнадцать верстъ въ длину и версты на четыре въ ширину. Однихъ дровъ на порубкахъ сгорѣло около 1,500 сажень. На дровахъ, впрочемъ, владѣльцы убытку не терять, потому что они были застрахованы; незастрахованъ одинъ „стоячій лѣсъ“, и убытокъ съ него высчитываютъ, по меньшей мѣрѣ, въ 200,000 р. Горитъ также во многихъ мѣстахъ казенный „Муртескій боръ. Урядники склоняютъ крестьянъ тушить пожаръ, но послѣдніе въ большинствѣ случаевъ отказываются“¹⁾.

Большой лѣсной пожаръ былъ въ началѣ сентября и въ окрестностяхъ г. *Свѣска* (Орловской губ.), гдѣ сгорѣло болѣе 700 десятинъ лѣсу, принадлежащаго Шереметеву²⁾. Лѣсные пожары, какъ „ежегодное обычное явленіе“ въ окрестностяхъ г. *Ялты*, въ прошломъ году приняли тамъ размѣры болѣе обыкновеннаго.

2-го сентября, по словамъ корреспондента „*Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*“, загорѣлось въ лѣсу графа *Мордвинова на Ялты*, какъ говорятъ, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ охотниковъ на перепеловъ. Охота на эту дичь тамъ обыкновенно происходитъ ночью. Охотники разводятъ огонь, на который дичь немедленно слетается цѣлыми стаями. Въ то время, когда она подлетаетъ къ огню, они стрѣляютъ ее. Въ первый день пожаръ занималъ небольшое пространство, но затѣмъ, по причинѣ сильнаго вѣтра, охватила большую площадь. 3-го сентября загорѣлся казенный лѣсъ. Усилия собранныхъ для тушенія огня 2,000 татаръ остались напрасными, такъ какъ огонь вѣтромъ перебрасывало на далекое разстояніе. Опасность грозила даже *Массандрѣ* и селенію *Ай-Василь*. По слухамъ, въ горящемъ лѣсу погибло много рогатаго скота, лошадей, овецъ, козъ и оленей. Кромѣ того не досчитываются четырехъ татаръ, которые вѣроятно погибли во время рубки лѣса. Днемъ изъ *Ялты* видѣнь былъ только бѣловатый дымъ, который застилалъ часть небосклона и сообщалъ послѣ полудня солнцу какой-то странный цвѣтъ. Вечеромъ пожарище представляло грозную картину“³⁾.

Изъ телеграммъ Сѣвернаго телеграфнаго агенства узнаемъ, что уже въ концѣ апрѣля въ *верховьяхъ Амура* „были лѣсные пожары“⁴⁾, а въ іюнѣ и іюлѣ „горѣли лѣса и тундры“ въ *Приморской Области*⁵⁾.

Но наиболѣе грандіозный по своимъ размѣрамъ былъ лѣсной пожаръ въ *Акмолинской Области*—въ *Средней волости Петропавлов-*

¹⁾ „Новости“ 1883 г., № 155.

²⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г., № 198.

³⁾ „Петерб. Газета“ 1883 г., № 253; „Новости“ 1883 г., № 182 и „Новое Время“ № 2709.

⁴⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г., № 93.

⁵⁾ *Idem*, № 148.

скаго уезда, гдѣ 13-го августа было объято огнемъ пространство въ сорокъ верстъ длиной и въ двадцать верстъ шириной ¹⁾.

— Столь же значительный вредъ причинили въ прошломъ году русскимъ лѣсамъ различнаго рода насѣкомья, отчего погибнуть въ ближайшемъ будущемъ миллионы десятинъ.

Въ Изюмскомъ уездѣ (Харьковской губ.), близъ села Горотовки въ Черномъ лѣсу землевладельца г. Бекарюкова появился, по свѣдѣніямъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“,

„въ огромныхъ массахъ какой-то червь, называемый крестьянами „та-дичъ“. Съ 25-го сентября до конца ноября онъ производилъ сильныя опустошенія, съѣдая побѣги и верхушки деревьевъ, преимущественно на молодыхъ срубкахъ. Въ зимнее время червь истребляетъ корни самыхъ лучшихъ дубковъ. Недѣли за двѣ до половодья на деревьяхъ вновь появились черные черви“ ²⁾.

Изъ корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ узнаемъ, что въ Уфимскомъ уездѣ

„въ самыхъ первыхъ числахъ мая, приблизительно около 5-го числа, деревья черемухи были сплошною массою покрыты небольшимъ мохнатымъ червячкомъ; длину этотъ червякъ около двухъ дюймовъ, головка черная, цвѣтъ буроватого, на видъ онъ какъ будто черновато-сѣдой. Листъ на чермухѣ былъ живо съѣденъ и затѣмъ червь бросился на только что распустившійся дубовый листъ. Къ 19 мая черемуха и дубъ оголились, представляя крайне грустную картину среди распустившихся другихъ деревьевъ. Во все это время стояли жары. 21 мая цѣлый день шелъ частый, холодный дождь; къ вечеру онъ пересталъ, а въ 9 часовъ вечера Реомюръ показывалъ 5 градусовъ. 22 и 23 хотя дождя не было, но было очень свѣжо, въ ночь же съ 22 на 23 въ оврагахъ былъ даже морозъ. Следующіе два дня, именно 24 и 25 мая, при очень теплой температурѣ, червь массами, такъ что земли не было видно, двинулся изъ лѣсовъ на

¹⁾ „Петербургская Газета“ 1883 г., № 321.

²⁾ „Правит. Вѣстн.“ 1883 г., № 73. По сообщаемому здѣсь описанію, сдѣланному очевидно не энтомологомъ, весьма трудно рѣшить, что это за насѣкомое, личинка котораго осенью уничтожаетъ древесные побѣги, а зимою повреждаетъ корни деревьевъ. По всей вѣроятности, если дѣйствительно замѣченъ такой двойной вредъ, то виновникомъ его личинки двухъ различныхъ насѣкомыхъ. Въ видахъ возможно лучшаго разъясненія ясныхъ подобныхъ вопросовъ, мы вторично обращаемся съ покорнѣйшею просьбою къ г.г. лѣсничимъ, при появленіи въ завѣдываемыхъ ими лѣсахъ, различныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, не отказать въ сообщеніи о томъ редакціи Лѣснаго Журнала съ приложеніемъ описанія причиняемаго насѣкомымъ вреда и, если возможно, экземпляровъ самихъ насѣкомыхъ и поврежденій, причиняемыхъ ими различнымъ частямъ дерева.

озимые посѣвы, хотя вреда на хлѣбѣ не видно. Такое переселеніе червя въ огромной массѣ длилось дня два. 28-го мая пришлось быть свидѣтелемъ другаго любопытнаго факта. Еще 26-го мая можно было видѣть массы бѣлыхъ бабочекъ съ черными жѣлками на крыльяхъ, въ громадныхъ массахъ сидящихъ около полувысохшихъ лужъ. 28-го мая, съ ранняго утра, несмѣтныя полчища этихъ бабочекъ, на подобіе несущихся хлопьевъ снѣга, летѣли съ сѣверо-востока на юго-западъ, начиная отъ земли и подымаясь на огромную высоту. Главныя массы этихъ бабочекъ пролетѣли къ вечеру 28-го мая, на само переселеніе ихъ не кончилось и въ первыхъ числахъ іюня, хотя онѣ и летѣли тогда въ несравненно меньшемъ противъ прежняго количествѣ, но все еще огромными массами“¹⁾.

Въ имѣніи графа И. И. Воронцова-Дашкова, Ново-Томниково, Шацкого уѣзда, Тамбовской губерніи введено правильное лѣсное хозяйство и въ послѣднее время искусственно разведено посадкой до 340 десятинъ сосны и ели, представляющихъ прекрасный ростъ. Съ наступленіемъ лѣта прошлаго года обнаружилось,

„что значительная часть молодого лѣса (въ питомникахъ и на посадкахъ) погибла, совершенно засохнувъ, причемъ мѣстный лѣсничій замѣтилъ, что часть пронавшего лѣса постепенно увеличивается и деревья, пустившія было въ началѣ весны почки, засыхаютъ. Управляющій имѣніемъ телеграфировалъ графу объ опасности, угрожающей всему посѣву (?), и изъ Петербурга былъ командированъ кандидатъ естественныхъ наукъ г. Морозовъ для изслѣдованія на мѣстѣ причины постигшей молодой лѣсъ гибели; пріѣхавъ уже въ октябрѣ, г. Морозовъ не могъ сдѣлать точныхъ развѣдокъ и опредѣленій, но, выкопавъ нѣсколько погибшихъ растеній, онъ обнаружилъ полное отсутствіе корешковъ, причемъ и главный корень былъ подѣденъ личинкою какого-то насѣкомаго. Въ настоящее время образцы личинки и экземпляры погибшаго лѣса доставлены на заключеніе русскаго энтомологическаго общества, съ просьбой отвѣтить: 1) личинки какого, именно, насѣкомаго погубили молодой лѣсъ и 2) какія мѣры слѣдуетъ принять для спасенія остальной уцѣлѣвшей части лѣса“²⁾.

Но всѣ эти поврежденія деревьевъ „гадичемъ“, „червячкомъ“, и „неизвѣстною личинкою“ ничтожны сравнительно съ громаднымъ вредомъ, причиненнымъ и причиняемымъ нашимъ русскимъ лѣсамъ „короткомъ“. О немъ мы находимъ въ „Новомъ Времени“ слѣдующее сообщеніе:

¹⁾ „Петербургская Газета“ 1883 г., № 165.

²⁾ „Новости“ 1883 г., № 256. По всей вѣроятности, это личинка майскаго жука. На основаніи полученныхъ нами достовѣрныхъ свѣдѣній, можно заключить о сильномъ размноженіи этого насѣкомаго во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества; такъ, напр., онъ причинилъ въ прошломъ году весьма серьезныя поврежденія въ различныхъ лѣсныхъ дачахъ Владимірской и Нижегородской губерній, причемъ, по увѣренію специалистовъ, личинка его объѣдаетъ иногда мочки корней даже 12—15 лѣтнихъ сосенъ.

„Два года тому назадъ, надъ губерніями *Витебской, Могилевской и Минской* пронеслась сильная буря, повалившая и раскочавшая на громадномъ протяженіи массу лѣса, преимущественно еловаго (какъ наименѣе устойчиваго). При экстензивности нашего лѣснаго хозяйства буреломъ, разумѣется, не былъ удаленъ своевременно изъ лѣсовъ и послужилъ причиною развитія огромнаго количества жуковъ короѣдовъ и въ числѣ ихъ самаго ужаснаго бича еловыхъ лѣсовъ короѣда-типографщика (*Bostrichus turographus*). Поваленныя бурей еловыя деревья представляютъ для этого короѣда обширное поле для размноженія, съ котораго затѣмъ жукъ перебирается уже и на уцѣлѣвшій отъ бури лѣсъ. Въ послѣднее время изъ вышеупомянутыхъ губерній получаютъ самыя тревожныя извѣстія о неимоверно быстромъ размноженіи короѣда. Въ одномъ лѣсномъ имѣніи *Витебской губерніи* недавно констатировано специалистами лѣсничими—присутствіе короѣда на пространствѣ около 40,000 десятинъ. Въ прошлое теплое лѣто (1882 г.) жукъ успѣлъ произвести двѣ съ половиною генерациі (на половину развившаяся третья генерација зимуетъ подъ корой въ состояніи личинокъ и куколокъ). Единственнымъ радикальнымъ средствомъ борьбы съ короѣдами является возможно быстрая уборка буреломнаго лѣса, срубла всѣхъ пораженныхъ короѣдомъ деревъ и сожиганіе тутъ же на мѣстѣ собранной со срубленныхъ деревъ коры вмѣстѣ съ кишачици въ ней жучками, ихъ личинками и куколками. Очевидно, что для такой борьбы съ жукомъ, на громадныхъ лѣсныхъ пространствахъ, потребуется не одинъ десятокъ тысячъ рукъ и, можетъ быть, не одна сотня тысячъ рублей; тѣмъ не менѣе борьбы этой не избѣжать, и необходимо вступить въ нее возможно скорѣе иначе бѣда можетъ разрастись до грозныхъ размѣровъ и нанести тяжелый ударъ благосостоянію цѣлаго края... ¹⁾)

Увы! мы сильно запоздали—бѣда въ дѣйствительности уже „разрослась до грозныхъ размѣровъ“ и „тяжкій ударъ благосостоянію цѣлаго края“ уже нанесенъ: судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ настоящее время гибнуть отъ короѣда еловые лѣса въ *Смоленской, Калужской, Московской и Тверской губерніяхъ*. Такъ *И. А. Мамшевъ* пишетъ въ „*Земледѣльческой Газетѣ*“ изъ *Гжатскаго уѣзда* (Смоленской губ.):

„Засуха, бывшая въ прошломъ (т. е. 1882) году, причинила вредъ лѣсамъ въ томъ отношеніи, что способствовала размноженію еловаго короѣда, который и произвелъ значительныя опустошенія въ лѣсахъ. Хвоя на еловыхъ деревьяхъ начала засыхать уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, а къ октябрю засохшаго еловаго лѣса оказались цѣлыя куртины величиною до 10 десятинъ, преимущественно въ изрѣженныхъ буреломныхъ участкахъ. Такое усиленное нападеніе короѣда можно объяснить именно засухой: почва въ лѣсу не только на возвышенныхъ, но и въ низменныхъ, даже болотистыхъ, мѣстахъ совершенно высохла; еловыя деревья, привыкшія къ

¹⁾ „Новое Время“ № 2518.

болѣе или менѣе влажной почвѣ, имѣющія корни, стелющіеся мелко, а иногда совсѣмъ наружу, прикрытыя лишъ мхождъ, который также совершенно высохъ, отъ дѣйствія засухи начали вянуть; а на большія, увядающія деревья, какъ извѣстно, короѣдъ нападаетъ охотно и находитъ на нихъ благопріятныя условія для размноженія. Раньше же этого короѣдъ гнѣздили въ буреломныхъ деревьяхъ, которыхъ было достаточно въ два предыдущихъ года, такъ что ихъ не успѣвали совершенно убирать⁴.

„Всѣ поврежденные деревья, на которыхъ поселился короѣдъ, мы по возможности вырубали съ осени и, распиливши на бревна и края, пустили въ продажу крестьянамъ, не очищая кожуры (!!!), такъ какъ крестьяне дома очищаютъ бревна и кожуру употребляютъ на отопленіе“.

„На сколько мнѣ извѣстно, короѣдъ причинилъ *значительныя поврежденія и въ другихъ мѣстахъ Смоленской губерніи*¹⁾, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сосѣднихъ губерній, такъ напр. Московской, Калужской²⁾ и Тверской³⁾“.

Изъ частныхъ сообщеній мы узнали, что и въ *Нижегородской губерніи* большинство еловыхъ лѣсовъ слѣдуетъ считать погибшими.... При этомъ замѣчено быстрое поступательное движеніе короѣда съ запада на востокъ, а также что онъ часто появляется въ лѣсныхъ дачахъ островками, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ мѣста своего размноженія, какъ бы занесенный случайно сильнымъ вѣтромъ.

Хотя районъ распространенія короѣда въ нашихъ лѣсахъ не можетъ быть въ настоящее время опредѣленъ съ надлежащею точностью, но, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, не опасаясь преувеличенія, мы можемъ принять, что это насѣкомое повредило уже по крайней мѣрѣ полмилліона десятинъ.... Борьба съ короѣдомъ на такой обширной площади немислима: у насъ на это не хватитъ средствъ, потому что, по весьма умѣренному вычисленію, сдѣланному профессоромъ *Д. Н. Кайгородовымъ*⁴⁾, во что обошлась эта борьба въ Чехіи въ 1873 и 1874 годахъ, оказывается, что одна только заработная плата за срубку короѣднаго лѣса и сожи-

¹⁾ Очевидно, что короѣдъ причиной, почему, по словамъ газеты „*Новости*“, 1883 г. № 132, „лѣсъ въ Смоленской губерніи сталъ *сохнуть* и въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ дачахъ онъ уже высохъ на половину“.

²⁾ Это подтверждается телеграммой изъ Калуги отъ 18 іюня, напечатанной въ „*Новомъ Времени*“: лѣсъ, поврежденный короѣдомъ, исключительно еловый *продается дешево на тридцать процентовъ*; хорошіе сорта въ цѣнѣ, масса плотовъ идутъ въ Алексинъ, Серпуховъ, Каширу и Рязань.

³⁾ „Земледѣльческая газета“ 1883 г., № 12, стр. 224—225.

⁴⁾ „Новое Время“ № 2525.

ганіе снятой съ него коры, не считая другіе расходы, составляетъ по нормальному курсу (принимая гульденъ за 64 копѣйки) около 17 рублей на десятину, а по дѣйствительному существующему въ настоящее время—23 рубля, т. е. на борьбу съ короѣдомъ въ нашихъ лѣсахъ необходимо немедленно израсходовать *минимумъ 11½ миллионъ рублей*, причемъ едва ли 25% этого расхода покротся доходомъ отъ продажи заготовленныхъ изъ короѣднаго лѣса матеріаловъ.

Въ виду такого по истинѣ безотраднaго положенія дѣлъ остается ожидать помощи только отъ одной природы и потому печать справедливо обращаетъ особенное вниманіе сельскихъ и лѣсныхъ хозяевъ на принятіе надлежащихъ мѣръ къ охраненію насѣкомоядныхъ птицъ. Такъ лаборантъ зоологическаго кабинета Казанскаго университета Э. Д. Пельцманъ, въ изданной имъ брошюрѣ: „*О вредныхъ насѣкомыхъ Самарской губерніи*“, указываетъ на необходимость серьезнаго охраненія полезныхъ животныхъ, преимущественно кротовъ, землероекъ, летучихъ мышей, воробьевъ, грачей, галокъ, скворцовъ и трясогузокъ. Авторъ общедоступной брошюры: „*О вредныхъ насѣкомыхъ и о важности охраненія насѣкомоядныхъ птицъ, какъ даровыхъ помощниковъ въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми*“, вышедшей въ прошломъ году вторымъ изданіемъ, В. Е. Иверсенъ, также является однимъ изъ ревностныхъ защитниковъ и популяризаторовъ упомянутой выше мѣры для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ.

„По мнѣнію г. Иверсена, стараніе увеличить около себя число птицъ представляетъ лучшее, вѣрнѣйшее, легчайшее и ничего не стоющее средство къ истребленію насѣкомыхъ“. Авторъ считаетъ положительно доказаннымъ, что никакая искусственная мѣра, придуманная до сихъ поръ для истребленія насѣкомыхъ, — а такихъ мѣръ предложено очень много, — не доставляетъ той выгоды, какой можно легко достигнуть покровительствомъ насѣкомоядныхъ птицамъ. Такое покровительство должно выражаться, по его мнѣнію, въ слѣдующемъ: 1) оставлять на пашняхъ и лугахъ по нѣскольку деревьевъ и кустарниковъ; 2) преслѣдовать, когда мало мышей и т. п., крупныхъ хищныхъ птицъ; 3) стремиться къ искорененію нещаднаго истребленія, ради прихоти, перелетныхъ птицъ; 4) воспретить птицеводство, тѣмъ болѣе что это ремесло праздное и мало прибыльное; 5) слѣдить за дѣтми и не позволять имъ разорять гнѣзда; 6) разставлять ящики для гнѣздовыхъ птицъ и 7) строго слѣдить за выполненіемъ правилъ, установленныхъ въ законодательствѣ объ охотѣ на разныхъ животныхъ. Вообще же стремиться къ увеличенію числа насѣкомоядныхъ птицъ, по мнѣнію г. Иверсена, должно двумя путями. Первый путь есть путь поученія примѣромъ п словомъ, путь самый вѣрный, но медленный и не легкій, хотя распростра-

неніе въ массѣ правильныхъ взглядовъ на природу должно составлять обязанность каждаго образованнаго человѣка. Другой путь,—понужденія,—состоитъ въ томъ, чтобы на людей, незнакомыхъ съ естественной исторіей и не желающихъ слѣдовать указаніямъ науки, дѣйствовать понужденіемъ къ соблюденію закона, основаннаго на данныхъ современной науки¹⁾.

Въ защиту насѣкомоядныхъ птицъ высказывается также ежедневная пресса и одно изъ уѣздныхъ земствъ.

Со станція *Малая-Вишера* пишутъ въ газету „Новости“:

„Помимо нераціональнаго веденія лѣснаго хозяйства, помимо желѣзныхъ дорогъ, истребляющихъ цѣлые лѣса, какъ на топливо, такъ и лѣсными пожарами отъ разбрасываемыхъ локомотивомъ искръ, лѣса нашей мѣстности страдаютъ еще отъ насѣкомыхъ, которыя цѣлыми мириадами гнѣздятся въ деревьяхъ и разрушительная работа которыхъ прерывается только на зимнее время. Истребленію этихъ насѣкомыхъ, какъ извѣстно, весьма много способствуютъ сороки и дятлы; между тѣмъ, въ послѣднее время, благодаря *спросу современной моды на перья* нашихъ союзниковъ въ борьбѣ съ насѣкомыми, замѣчается громадное уничтоженіе сорокъ и дятловъ. Убитыя птицы цѣлыми партіями отправляются по желѣзнымъ дорогамъ по направленію къ главнымъ моднымъ рынкамъ. Такое уничтоженіе нашихъ пернатыхъ союзниковъ еще болѣе способствуетъ распространенію вредныхъ насѣкомыхъ, гнѣздящихся въ деревьяхъ цѣлыми массами“²⁾.

„*Русскій Курьеръ*“, разсматривая вопросъ о противодѣйствіи опустошеніямъ, причиняемымъ саранчю, спрашиваетъ:

„Кавія мѣры предпринимались до сихъ поръ для уничтоженія саранчи? Перенашка и борюьба зараженныхъ полей и истребленіе саранчи руками. А что говорятъ спеціалисты-энтомологи? Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ нашихъ энтомологовъ, г. *Федоръ Кеппенъ*, въ своихъ прекрасныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, указываетъ, какъ на *радикальную мѣру для борьбы съ саранчей, на облысеніе нашихъ степей*, потому что съ возникновеніемъ лѣсовъ *появятся и птицы*—главные враги саранчи, и ясно, что собираніе саранчи ими будетъ производиться и несравненно искуснѣе и съ большимъ усердіемъ, чѣмъ собираніе ея руками солдатъ и крестьянъ; добавимъ къ этому, что *облысеніе обойдется и много дешевле*, чѣмъ теперешнія ежегодныя мѣры, которыя, напр., стоили въ нынѣшнемъ году для трехъ губерній (Астраханской, Воронежской и Таврической) 6.000.000 руб. со стороны правительства и, по всей вѣроятности, значительно больше со стороны земствъ. Вплоть признавая цѣлесообразность мѣры г. Кеппена, мы считаемъ долгомъ, говоритъ газета, указать и на то, что увеличеніе съ каждымъ годомъ количества саранчи въ Россіи и райсна ея распространенія не мало зависить отъ нашей системы лѣснаго хозяйства; скажемъ болѣе: *лѣсоистребленіе и размноженіе саранчи идутъ параллельно*. Мы, такимъ

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г., № 150.

²⁾ „Новости“ 1883 г., № 217.

образомъ, думаемъ, что правительству необходимо обратить серьезное вниманіе на лѣсоистребленіе—помимо всякихъ другихъ причинъ—и по этой“¹⁾.

„Новое Время“, приводя въ извлеченіи, изъ статьи профессора Линдемана, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, статистическія данныя о приблизительной суммѣ затратъ на борьбу съ „кузьками“, „жучками“, „мухами“ и т. п. хищниками нашихъ полей, борьбу во многихъ случаяхъ оказавшуюся бесплодной и нисколько не отвратившей необходимости новой борьбы и новыхъ усилій въ послѣдующіе годы, замѣчаетъ:

„Г. Линдеманъ все еще уповаетъ на съѣздъ энтомологовъ, предположенный въ февралѣ 1884 года. Не лучше ли было бы для обсужденія мѣръ противъ вредныхъ насѣкомыхъ *созвать съѣздъ лѣсниковъ, которые точно опредѣлили бы условія облѣсенія нашихъ степей? Авось птицы лѣсныя оказались бы сильнѣе энтомологовъ въ этой досель бесплодной борьбѣ“²⁾.*

„Дмитровское уездное земское собраніе послѣдней очередной сессіи обратилось съ ходатайствомъ къ г. таврическому губернатору, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры противъ повальнаго истребленія птичьихъ инъздъ и истребленія птицъ вообще. Постановленіе это вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что птицы истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ“³⁾.

— Интересно газетное сообщеніе изъ Ялты о вредѣ, причиненномъ лѣснымъ деревьямъ засухою:

„Благодаря почти четырехмѣсячному бездождію (съ сентября до конца декабря), изсохла не одна сотня деревьевъ; поддались засухѣ не только нѣжныя тропическія растенія, но даже такое выносливое дерево, какъ дубъ: въ окрестныхъ дубовыхъ лѣсахъ то и дѣло встрѣчаются ильня площадки въ нѣсколько десятковъ деревьевъ, на вѣтви погибшихъ отъ засухи“⁴⁾.

— Прошлый годъ былъ обилень бурями и ураганами, но о поврежденіяхъ, причиненныхъ ими лѣсамъ, газеты умалчиваютъ, вѣроятно потому, что такія поврежденія считаются явленіемъ слишкомъ обыденнымъ, на которое корреспонденты обыкновенно не обращаютъ вниманіе, вслѣдствіе чего мы можемъ отмѣтить въ нашей лѣтописи лишь ураганъ, бывшій 6-го іюня и поломавшій, по извѣстіямъ изъ Тагана, „много лѣса“ на Алтаѣ⁵⁾; бурю, свирѣпствовавшую въ концѣ того же мѣсяца въ Блонскомъ уездѣ (Вар-

1) „Новости“ 1883 г., № 75.

2) „Новое Время“ № 2815.

3) „Новости“ 1883 г., № 187.

4) Idem, 1884 г., № 3.

5) Idem, 1883 г., № 65.

шавской губ.), преимущественно въ гминѣ *Гузovo* и причинившую такіа же поврежденія ¹⁾; ураганъ, надѣлавшій, въ началѣ іюля, много вреда въ *Борзенскомъ уездѣ* (Черниговской губ.), преимущественно вблизи селеній: Омбыша, Прохорова, Комаровки и Брита-нова, причеиъ

„по столбовой дорогѣ, идущей на Нѣжинъ, за Комаровкой, на протяженіи 8 верстъ, положительно невозможно было проѣхать: вся она загромождена сломанными и вырванными съ корнемъ деревьями“ ²⁾;

и наконецъ бурю 8-го сентября, вырвавшую съ корнями 654 дерева, весьма почтенной толщины, въ прекрасномъ Екатеринен-тальскомъ паркѣ, въ Ревелѣ ³⁾.

— Горькія жалобы на быстрое исчезаніе нашихъ лѣсовъ—усилен-ное истребленіе ихъ хищническимъ пользованіемъ, неумѣлымъ обра-щеніемъ и всякаго рода самовольствомъ, почти ежедневно встрѣ-чались въ прошломъ году на страницахъ газетъ и журналовъ, при чемъ, чаще чѣмъ въ прежніе годы, предлагались различныя средства для успѣшнѣйшаго рѣшенія такъ-называемаго лѣснаго вопроса. Мы постараемся сгруппировать главнѣйшіе изъ этихъ матеріаловъ, достаточно иллюстрирующіе всероссійское лѣсоис-требленіе.

Д. Сибирякъ въ „*Очеркахъ весенняго сплава по рѣкѣ Чусовой*“ весьма картинно изображаетъ теперешнее состояніе лѣсовъ, рос-тущихъ по берегамъ этой рѣки:

„Кое-гдѣ попадаются вырубленныя полосы, гдѣ рядами стояли свѣжіе пни. Со стороны тяжело смотрѣтъ на этотъ результатъ вторженія человѣ-ческой дѣятельности въ мирную жизнь растительнаго царства. Свѣжія по-руби удивительно похожи на громадное кладбище, гдѣ за трудовымъ недо-сугомъ нѣкогда было поставить кресты надъ могилами“.

— „Это все на барочки ваши лѣсъ пошелъ, объяснялъ рабочій. Множе-ство этого лѣсу изводить по пристанямъ... Такъ валомъ и валать! Лѣсу не прохватываетъ на Уткѣ барки строить... Больно новѣ лѣса-то по Чусовой нообилось, около пристаней. Вѣдь кажинный славъ считай барокъ пять-сотъ, а на барку идетъ триста деревъ. Полтора ста тысячъ бревень! Страсть вымолвить! Да еще лѣсъ-то какой идетъ на барку—самый кондовый первый

¹⁾ „Новое Время“ № 2648.

²⁾ *Idem*, № 2652.

³⁾ Телеграмма въ „Петербургской Газетѣ“ 1883 г., № 250. При аукцион-ной продажѣ этихъ деревьевъ явившіеся покупщики не только ничего не да-вали за продаваемыя деревья, но еще просили заплатить имъ 1,000 руб. за вывозъ этихъ деревьевъ изъ парка („Новости“, № 196).

сортъ! Ну, теперь и скучаютъ по пристаямъ-то объ лѣсѣ. Больно скучаютъ, особливо на Уткѣ. Да и по другимъ пристаямъ начинаютъ сумлѣваться на счетъ лѣсу⁴.

„Глядя на берегъ Чусовой, кажется, что здѣсь лѣсныя богатства неистощимы, но это такъ кажется. Въ дѣйствительности, лѣсной вопросъ для Урала является въ настоящую минуту самымъ большимъ мѣстомъ: *лѣса вездѣ истреблены самымъ хищническимъ образомъ*, а между тѣмъ запросъ на нихъ, съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла и промышленности, все возрастаетъ. На сколько похозяйничали заводовладѣльцы и промышленники надъ чусовскими лѣсами—можно прослѣдить по теченію этой рѣки шагъ за шагомъ. *Владѣльческіе участки накануне полнаго обезлѣсенія*, какое уже постигло нѣкоторыя заводскія дачи на Уралѣ, какъ, напр. дачу Невьянскихъ заводовъ. Какъ бы въ противовѣсъ этой картинѣ заступнія *являются приятными исключеніями казенные участки*, но на Чусовой они представляютъ уже только оазисы, среди захватывающаго ихъ роковаго безлѣснаго кольца. Такова, напр. казенная Уткинская лѣсная дача, а затѣмъ все пространство, начиная отъ деревушки Юквы, верстъ семь ниже пристани Башки, до другой деревушки Чизмы. Здѣсь на разстояніи ста верстъ, правый берегъ представляетъ казенную собственность, и на немъ лѣса сохранились почти неприкосновенными. Вообще эта часть Чусовой, между Юквой и Чизмой самая гористая и вмѣстѣ самая лѣсистая; если между этими точками провести прямую линію и соединить ее съ казеннымъ заводомъ Кушвой, получится громадный трехугольникъ, почти нетронутый нашей роковой цивилизаціей. Въ среднемъ Уралѣ этотъ уголъ является какимъ то исключеніемъ и представляетъ беспросвѣтную лѣсную глушь“¹).

„Не смотря на постоянно возрастающее населеніе и расцвѣту лѣса подъ пашни, пишутъ въ „*Новости*“, *Екатеринбургскій уѣздъ* до сихъ поръ богатъ лѣсами, занимающими не менѣе одной пятой части уѣзда. Нераціональное веденіе лѣснаго хозяйства уже теперь приводитъ въ иныхъ мѣстностяхъ къ дурнымъ послѣдствіямъ. Нѣкоторые уѣзды, отличавшіеся прежде своими урожаями, много теряютъ отъ ежегодныхъ засухъ. Въ послѣднее время, однако, *многія села* уяснили себѣ важное значеніе лѣса и *стали производить посадку деревьевъ*. Башкирскіе лѣса имѣютъ характеръ рощъ; они очень рѣдки и состоятъ изъ старыхъ березъ, такъ какъ башкиры имѣютъ обыкновеніе рубить только молодыя и тонкія деревья. Стоимость лѣса и дровъ низка, вообще, а въ Башкиріи въ особенности“²).

Въ той же газетѣ сообщаютъ:

„Однимъ изъ характеристическихъ признаковъ низкаго хозяйственнаго уровня *Ярославской губерніи* служить довольно значительное *примѣненіе тлѣподпечной палоты*. Въ виду почти *повсемѣстнаго въ послѣднее время истощенія тлѣсовъ* и сознанія вредности этого явленія, слѣдовало бы ожидать, повидимому, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсное величіе сохранило еще

¹) „Отечественныя Записки“ 1883 г., августъ, стр. 270—272.

²) „Новости“ 1883 г., № 83.

Лѣсной Журналь, № 2. 1884 г.

нѣкоторые слѣды, оно, по крайней мѣрѣ, будетъ такъ или иначе поддерживаться. Однако, мы видимъ, какъ въ Ярославскомъ, Любимскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ, прежде славившихся широкими размѣрами лѣснаго хозяйства, уничтожаются послѣдніе его признаки нераціональными дѣйствіями сельскаго земледѣльческаго населенія. Лѣсоподсѣвное хозяйство здѣсь процвѣтаетъ. Крайне вредное вліяніе этой системы хозяйства отражается, какъ извѣстно, и на почвѣ, черезчуръ истощая ея производительныя силы. Тѣмъ не менѣе, мы не вправѣ обвинять въ этомъ крестьянское населеніе: имѣи оно въ волю земли, умѣи пользоваться результатами сельско-хозяйственной науки и техники, и, мы увѣрены,—оно стало бы и лѣсъ беречь, и землю освободило бы отъ своей невѣжественной эксплуатаціи“¹⁾.

Вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, въ *Рыбинскомъ уездѣ* (Ярославской губ.).

„большая часть лѣса, поступившаго въ надѣлъ, въ нѣсколько лѣтъ уничтожена самымъ безобразнымъ образомъ. Волостныя и сельскія власти смотрѣли на это воровство сквозь пальцы, а часто подавали примѣръ и сами. Участки для вырубki отводились тоже самымъ неразумнымъ способомъ: начинали рубить рошу съ одного края и кончая другимъ, не оставляя ничего для обмѣненія. Вслѣдствіе такого способа веденія лѣснаго хозяйства, теперь на мѣстѣ еще недавно существовавшихъ лѣсовъ находятя большіе пустыри, усѣянные цынами. Если и теперь не будетъ обращено должнаго вниманія на эту очень важную статью хозяйства, то черезъ пять и много десять лѣтъ у большинства крестьянъ лѣса не останется ни прута“²⁾.

Въ газетѣ „*Новое Время*“ встрѣчается интересная корреспонденція изъ *Тихвинскаго* (Новгородской губ.) и *Ново-Ладомскаго* (С.-Петербургской губ.) уѣздовъ:

„Проѣзжая, по послѣднему уѣзду, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я, говоритъ корреспондентъ, десять лѣтъ тому назадъ любовался красивыми холмистыми берегами Сяси, сплошь покрытыми густымъ боромъ, — теперь, увы, — на холмахъ торчатъ одни голые пни, да кое-гдѣ мелкая поросль. На лѣсъ здѣсь набросились съ какимъ то остервенѣніемъ, точно на злѣйшаго врага; лѣсопро-

¹⁾ „Новости“ № 196. Интересный примѣръ бережливаго обращенія съ лѣсомъ представляютъ крестьяне села *Бѣлаго-Омута* (Зарайскаго уѣзда Рязанской губ.), отпущенные въ 1840 году помѣщикомъ, потомъ Огаревымъ, на волю съ землею и „громаднымъ лѣсомъ, представляющимъ въ настоящее время цѣнность, равняющуюся почти милліону рублей“. Бѣлоомутцы пользуются лѣсомъ такъ: „если кому либо изъ нихъ нужно сдѣлать постройку или что либо исправить въ хозяйствѣ, то нуждающійся обращается на сходѣ къ „мѣру“ и заявляетъ объ этомъ. Когда просьба признана уважительной, ему выдается ярлыкъ, по которому онъ и получаетъ нужное ему количество бревенъ. Дровами пользуются всѣ безвозмездно, запрещается только вывозить ихъ на продажу“. (Новое Время, № 2653).

²⁾ Новости 1883 г., № 50.

мышленники *скупали лѣса по рублю и даже по полтинъ десятина....* Помѣщики, испугавшись наемнаго труда и проѣвшіе свои выкупныя свидѣтельства, готовы были даромъ, кажется, сдавать свои земли. Нѣкто пальцемъ не ударилъ, чтобы попробовать вести хозяйство самому,—лишь бы развязаться скорѣй съ землею. А до чего оборотисты наши кулаки, увидимъ изъ слѣдующаго. Подобрался такой кулакъ къ одному монастырю, благо въ Новгородской губерніи ихъ много: что, говоритъ, лѣсъ вамъ ничего не принести; я вамъ за него три тысячи дамъ—позвольте срубить. Срубилъ—болѣе тридцати тысячъ, говоритъ, въ карманъ положилъ; потомъ къ помѣщикамъ подобрался, у нихъ лѣсъ купилъ и срубилъ; а земля-то ему больше не пужна, вѣдь за нее еще платитъ поземельныя нало; онъ ее въ пользованіе женской обители предоставилъ—косите тамъ, матушки, да ужъ вы и налогъ платите за нее, за землею-то. Такимъ образомъ и деньги нажилъ, и налоговъ платить не надо“.

„Какія послѣдствія для всего края можетъ имѣть истребленіе лѣсовъ, объ этомъ никто не думаетъ, а между тѣмъ постоянныя появленія сибирской язвы, обмеленіе мѣстами мѣстныхъ рѣкъ, — находятся, по всей вѣроятности, въ зависности отъ этого явленія, и въ будущемъ грозятъ немалыми затрудненіями“ 1).

Впрочемъ, изъ той же газеты узнаемъ, что въ прошлую осень „вслѣдствіе крайне низкихъ цѣнъ въ Петербургѣ на весь вообще лѣсной товаръ, многіе тихвинскіе лѣсники значительно сократили свои заготовки, оставивъ на предстоящую зиму извѣстную часть крестьянскаго населенія Тихвинскаго уѣзда безъ денегъ и безъ заработка“ 2), то есть на время лѣсонстребленія въ этой мѣстности приостановилось.

Корреспонденція въ газетѣ „*Новости*“ разъясняетъ между прочимъ причины уничтоженія лѣсовъ въ *Вьлозерскомъ уездѣ* (Новгородской губ.).

„Лѣсъ въ обиходѣ крестьянской жизни нашего уѣзда играетъ весьма важную роль и имѣетъ въ отношеніи къ сельскому хозяйству такое же значеніе, какъ и земля-кормилца крестьянина. Помимо всѣхъ другихъ назначеній и употребленій, лѣсъ для нашего крестьянина представляетъ собою естественный и единственный матеріалъ удобренія мало плодородной почвы нашего уѣзда, такъ какъ лѣсистыя мѣста, будучи вырублены и выжжены („сучья“ по мѣстной терминологіи), служатъ самими плодородными мѣстами въ нашемъ уездѣ, болѣе или менѣе вознаграждающими труды крестьянина своимъ урожаемъ. Поэтому то приобрѣтеніе какихъ-либо участковъ лѣса для подобнаго назначенія служитъ весьма важнымъ подспорьемъ для сельскаго хозяйства и составляетъ, такъ сказать, *primum desiderium* нашихъ крестьянъ. Съ другой стороны, лѣсъ даетъ начало и обуславливаетъ существованіе въ нашемъ уездѣ особаго рода промысла—, *бревенникъ*“, который въ значительной степени пополняетъ крестьянскій бюджетъ и сосре-

1) Новое Время № 2668.

2) Idem, № 2772.

доточиваетъ на себѣ всѣ силы и трудъ крестьянъ въ продолженіи цѣлой зимы и начала весенняго времени“. „Лишь только наступитъ зима и установится снѣжный путь, все мѣстное населеніе отправляется въ бревенникъ, и занимается рубкою и возкою бревень до самой весны. Въ это послѣднее время дѣятельность крестьянъ также продолжается, но сосредоточивается уже ва берегахъ рѣчекъ, куда сваливаются сложенные въ кучу бревна и отправляются внизъ по теченію рѣки. Мѣстомъ, куда обыкновенно отправляется нарубленный лѣсъ, служатъ лѣсопильные заводы въ Шолѣ (въ 60 верстахъ отъ г. Бѣлозерска), откуда онъ въ различныхъ видахъ доставляется къ Бѣлозерскому каналу и отправляется въ разныя мѣстности Россіи, преимущественно же—въ Петербургъ“.

„Въ виду того важнаго значенія, которое имѣетъ лѣсъ для матеріальнаго благосостоянія нашего края, конечно, желательно, чтобы надежнымъ образомъ обезопасена была цѣлость и неприкосновенность лѣса отъ хищническихъ рухъ и вообще приняты были бы мѣры противъ напраснаго и безцѣльнаго его истребленія какъ бы то ни было. Къ сожалѣнію, лѣсопромышленность ведется въ нашемъ краѣ такъ оригинально и первобытно, что является одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, способствующихъ бесполезному истребленію лучшаго строеваго лѣса. Дѣло въ слѣдующемъ: большая часть лѣсовъ въ нашемъ уѣздѣ принадлежитъ частнымъ лѣсопромышленникамъ и бревенникъ совершается подъ непосредственнымъ наблюденіемъ особаго рода приказчиковъ. Не извѣстно, въ какихъ видахъ со стороны владѣльцевъ лѣса дѣлается распоряженіе о рубкѣ лѣса въ каждую зиму опредѣленнаго количества вершковъ въ высоту и объемъ (?); лѣсъ, не удовлетворяющій этой мѣрѣ, долженъ быть неприкосновененъ. Между тѣмъ, способъ опредѣленія величины деревьевъ—самый первобытный и простой: это—крестьянскій глазомѣръ и теорія приближенности. Вотъ подходитъ крестьянинъ къ дереву, осматриваетъ его со всею тщательностью и вниманіемъ со всѣхъ сторонъ и приходитъ къ увѣренности объ удовлетворительности величины дерева, требующейся для вырубки его. Между тѣмъ, оказывается, что дерево не подходитъ подъ мѣрку, и такимъ образомъ—глазомѣръ обманулъ крестьянина; нужно въ такомъ случаѣ куда-нибудь подалеже скрыть это дерево отъ внимательнаго глаза приказчика или лѣсоваго, такъ какъ за каждое срубленное дерево, не удовлетворяющее требованію мѣры, грозитъ наложеніе штрафа на бѣднаго крестьянина. Съ другой стороны, отъ участвующаго въ вывозкѣ бревень крестьянина требуется, чтобы онъ рубилъ и везъ деревья безъ малѣйшихъ признаковъ гнилости или кривизны; первые признаки опредѣляются крестьянами ударомъ топора о дерево и качествомъ происходящаго отсюда звука, а послѣдніе—при помощи опять глазомѣра. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ (при опредѣленіи качества дерева) ошибки и промахи со стороны крестьянъ такъ многочисленны, что они иногда лишаютъ ихъ цѣлой половины заработка. Такимъ образомъ, постановка лѣсопромышленности въ нашемъ краѣ такова, что она дѣлается одною изъ главныхъ причинъ уничтоженія безъ всякой цѣли цѣлыхъ десятковъ и сотенъ тысячъ деревьевъ, а съ другой—поглощаетъ по напрасну огромную массу крестьянскаго труда безъ всякой производительности. На это, намъ кажется, слѣдовало бы обратить внима-

ніе нашимъ лѣсопромышленникамъ и какъ нибудь урегулировать систему эксплоатаціи лѣсовъ нашего края“¹⁾).

„Другою причиною унпчтоженія и истребленія лѣсовъ въ нашемъ краѣ служатъ частые пожары въ нихъ въ лѣтнюю пору. Происходятъ они по большей части отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ во время крестьянскихъ работъ въ лѣсу; впрочемъ, бывають, хотя и рѣдко, случаи и предвѣреннаго поджога лѣсовъ, уничтожающіе иногда территоріи на цѣлыя десятки верстъ протяженія“²⁾).

Кратко, но вполне выразительно, сообщеніе изъ *Калязинскаго уѣзда* (Тверской губ.):

„Бѣдствовалъ православный людъ отъ дороговизны дровъ,—лѣса въ нашей мѣстности разумно-хозяйствующими помѣщиками почти всѣ уже уничтожены“³⁾).

Описаніе лѣсной пристани въ *Ригѣ*, сдѣланное въ газетѣ „*Новое Время*“, цифровыми данными поясняетъ *размѣры лѣсоистребленія въ центральныхъ губерніяхъ*:

„Прѣвзжая длинный и роскошный мостъ, перекинутый черезъ широкую Западную Двину въ Ригѣ; по обѣимъ сторонамъ моста, во всю ширь рѣки, громадное число плотовъ съ лѣсомъ, которые прикрываютъ собою всю воду, оставляя только узкіе проходы для судовъ и пароходовъ. Глазомъ нельзя увидать, гдѣ кончаются плоты, такъ какъ они уходятъ далеко внизъ и вверхъ по широкой и длинной рѣкѣ. Я ужаснулся этой массы лѣса и постарался узнать, сколько его пригнано въ Ригу для продажи за границу. Я получилъ на столько вѣрныя, на сколько страшныя цифры: въ текущее лѣто пригнано въ Ригу по Западной Двинѣ изъ центральной Россіи: 35 плѣн. дубоваго лѣса, 85 плѣн. махъ, 6,000 плѣн. шпигеровъ (двойныхъ), 3,500 плѣн. брусевъ, 56,000 плѣницъ балокъ, 120 плѣницъ жердей и 910 плѣницъ дровъ!... Цифры, несомнѣнно, поражающія; но интересно было получить по нимъ нѣкоторыя подробности и я обратился къ двумъ „лѣсопотребителямъ“ на берегу рѣки за поясненіями. Эти лѣсопромышленники, русскіе купцы, почтенныхъ размѣровъ, съ громадными брилліантовыми перстнями на указательныхъ пальцахъ, были не въ духѣ и мрачно смотрѣли на свои плѣнцы. „Цѣны упали на лѣсъ“, вздохнули лѣсопотребители и заявили, что „проживаются въ Ригѣ“, чтобы дожидаться лучшихъ цѣнъ. Ясно видно, что лѣсопромышленники на этотъ разъ „перерубили“ и пригнали лѣса больше чѣмъ надо.... Бѣдные русскіе лѣса!... Я попросилъ у „несчастныхъ“ купцовъ интересовавшія меня поясненія и получилъ слѣдующія поучительныя данныя:

¹⁾ Производство рубки на строго ограниченныя опредѣленные площади, а не въ разбросъ по всему лѣсу, тщательный фактическій надзоръ надъ ней со стороны самого лѣсничнаго и лѣсной стражи и, наконецъ, осмотрительное выполненіе самой валки деревьевъ—единственныя вполне действительныя средства для устраненія этого зла.

²⁾ „Новости“ 1883 г. № 103.

³⁾ „Новое Время“ № 2532.

„Въ 35 плѣнцахъ дубоваго лѣса слѣдуетъ считать на каждую плѣницу по 40 штукъ, что составитъ 1,400 штукъ; въ 85 плѣнцахъ масть—на каждую 35 штукъ, что составитъ 2,975; въ 6,000 плѣнцахъ шпиреровъ по 300 штукъ каждая—1,800,000; въ 3,500 плѣнцахъ брусевъ по 40 штукъ каждая—140,000, въ 56,000 плѣнцахъ балокъ по 40 каждая—2.240,000 шт.; въ 120 плѣнцахъ жердей по 500 штукъ каждая—60,000 штукъ, а 910 плѣницъ дровъ составляетъ около 4,500 кубическихъ саженьей этого топлива... Я не удовлетворился этимъ поясненіемъ и попросилъ перевести эту массу лѣса на число погубленныхъ и уничтоженныхъ деревьевъ; получилось слѣдующее: 1,400 штукъ дуба, требуютъ столько же деревьевъ, такъ какъ одинъ дубъ не дастъ больше одной балки; 2,975 масть=столькимъ же деревьямъ; 1,800,000 шпиреровъ (по три шпипера изъ дерева)=600,000 деревьямъ, 140,000 брусевъ=столькимъ же деревьямъ; 2.240,000 балокъ=почти 2.000,000 деревьевъ, а 60,000 жердей=столькимъ же деревьямъ. Итакъ, кромѣ 4,500 кубическихъ саженьей дровъ, получается уничтоженныхъ, загубленныхъ деревьевъ—2.804,345 штукъ!... Въдъ это громадный лѣсъ, на возвращеніе котораго требуются не только десятки, даже сотни лѣтъ!... И такое количество лѣса пригнано въ одну Ригу... Мало того, къ этой страшной цифрѣ необходимо прибавить еще по крайней мѣрѣ по пяти молодыхъ деревьевъ на связку каждой плѣницы, что въ итогѣ даетъ еще 400,000 загубленныхъ деревьевъ... 1).

„Нужны ли комментаріи? Полагаю, что и безъ нихъ ясно, что при существующемъ веденіи русскаго лѣснаго хозяйства мы будемъ очень скоро нуждаться въ лѣсѣ и съ сожалѣніемъ будемъ вспоминать прошедшее, котораго нельзя будетъ воротить... 2).

Такія же цифровыя данныя, приведенныя относительно *Шуйскаго уѣзда* (Владимірской губ.), убѣдительно доказываютъ, что существующіе въ настоящее время въ этомъ уѣздѣ *крестьянскіе лѣса* далеко не въ состояніи удовлетворить потребности ихъ владельцевъ въ древесныхъ матеріалахъ:

„Лѣсовъ, принадлежащихъ здѣсь крестьянамъ, при 19,198 жилыхъ помѣщеніяхъ, по земскимъ раскладкамъ числится 10,547 десятинъ. Чтобы отопить эти помѣщенія, вмѣстѣ съ овинами и ригами, въ годъ необходимо—самое меньшее—по три куб. саж., всего же около 57,594 куб. саж. Но такъ какъ лѣса у крестьянъ дровяные и вырубить въ нихъ на десятинѣ можно, да и то съ трудомъ, всего 20 куб. саж., то слѣдовательно у крестьянъ

1) Разсчетъ этотъ далеко не вѣренъ: стоитъ только вспомнить вышеприведенную корреспонденцію изъ Бѣлозерска, ясно показывающую, что на каждое отпущенное дерево слѣдуетъ считать два срубленныхъ въ лѣсу; точно также на „вины“ потребуется втрое большее число деревьевъ. А сколько поломано деревьевъ при срубкѣ и разработкѣ по сортаментамъ этихъ 2.804,345 деревьевъ!...

2) „Новое Время“ № 2671.

„Въ 35 плѣнницахъ дубоваго лѣса слѣдуетъ считать на каждую плѣнницу по 40 штукъ, что составитъ 1,400 штукъ; въ 85 плѣнницахъ масть—на каждую 35 штукъ, что составитъ 2,975; въ 6,000 плѣнницахъ шпигеровъ по 300 штукъ каждая—1,800,000; въ 3,500 плѣнницахъ брусевъ по 40 штукъ каждая—140,000, въ 56,000 плѣнницахъ балокъ по 40 каждая—2.240,000 шт.; въ 120 плѣнницахъ жердей по 500 штукъ каждая—60,000 штукъ, а 910 плѣницъ дровъ составляетъ около 4,500 кубическихъ саженьей этого топлива... Я не удовлетворился этимъ поясненіемъ и попросилъ перевести эту массу лѣса на число погубленныхъ и уничтоженныхъ деревьевъ; получилось слѣдующее: 1,400 штукъ дуба, требуютъ столько же деревьевъ, такъ какъ одинъ дубъ не дастъ больше одной балки; 2,975 масть—столькимъ же деревьямъ; 1,800,000 шпигеровъ (по три шпигера изъ дерева)=600,000 деревьямъ, 140,000 брусевъ—столькимъ же деревьямъ; 2,240,000 балокъ—почти 2,000,000 деревьевъ, а 60,000 жердей—столькимъ же деревьямъ. Итакъ, кромѣ 4,500 кубическихъ саженьей дровъ, получается уничтоженныхъ, загубленныхъ деревьевъ—2.804,345 штукъ!... Въдъ это громадный лѣсъ, на возвращеніе котораго требуются не только десятки, даже сотни лѣтъ!... И такое количество лѣса пригнано въ одну Ригу... Мало того, къ этой страшной цифрѣ необходимо прибавить еще по крайней мѣрѣ по пяти молодыхъ деревьевъ на связку каждой плѣнницы, что въ итогѣ даетъ еще 400,000 загубленныхъ деревьев... 1).

„Нужны ли комментарія? Полагаю, что и безъ нихъ ясно, что при существующемъ веденіи русскаго лѣснаго хозяйства мы будемъ очень скоро нуждаться въ лѣсѣ и съ сожалѣніемъ будемъ вспоминать прошедшее, котораго нельзя будетъ воротить... 2).

Такія же цифровыя данныя, приведенныя относительно *Шуйскаго уѣзда* (Владимірской губ.), убѣдительно доказываютъ, что существующіе въ настоящее время въ этомъ уѣздѣ *крестьянскіе лѣса* далеко не въ состояніи удовлетворить потребности ихъ владельцевъ въ древесныхъ матеріалахъ:

„Лѣсовъ, принадлежащихъ здѣсь крестьянамъ, при 19,198 жилыхъ помѣщеніяхъ, по земскимъ раскладкамъ числится 10,547 десятинъ. Чтобы отопить эти помѣщенія, вмѣстѣ съ овинами и ригами, въ годъ необходимо—самое меньшее—по три куб. саж., всего же около 57,594 куб. саж. Но такъ какъ лѣса у крестьянъ дровяные и вырубить въ нихъ на десятины можно, да и то съ трудомъ, всего 20 куб. саж., то слѣдовательно у крестьянъ

1) Расчетъ этотъ далеко не вѣренъ: стоитъ только вспомнить вышеприведенную корреспонденцію изъ Бѣлозерска, ясно показывающую, что на каждое отпущенное дерево слѣдуетъ считать два срубленныхъ въ лѣсу; точно также на „вины“ потребуется втрое большее число деревьевъ. А сколько поломано деревьевъ при срубкѣ и разработкѣ по сортаментамъ этихъ 2.804,345 деревьевъ!...

2) „Новое Время“ № 2671.

янь запаснаго матеріала для топлива остается $10,547 \times 20 = 210,940$ куб. саж., или израсходывая въ годъ 57,594 кубическ. саж.,—всего приблизительно на *четыре года*. Здѣсь даже и теперь есть *цѣлыя волости*, которыя *употребляютъ* вмѣсто топлива *одну хворостъ*. Положимъ, Шуйскій уѣздъ богатъ мѣстами для вырубокъ и кустарниками, именно 22,344 десятины вырубокъ и 27,774 кустарниковъ, но крестьянамъ принадлежитъ едва $\frac{1}{10}$ этого пространства. Есть даже такія волости, которымъ при 1,500 жителейхъ лѣса принадлежитъ только 5 десятинь, а кустарниковъ 300 десятинь“¹⁾.

Въ *Семеновскомъ уѣздѣ* (Нижегородской губ.).

„Ложкарное производство и точеніе деревянной посуды съ каждымъ годомъ уменьшается въ своихъ размѣрахъ, вслѣдствіе *крайняго истощенія лѣсовъ*“²⁾.

Въ *Свияжскомъ уѣздѣ* (Казанской губ.).

„За послѣдніе годы *частныя лѣса совершенно уничтожены*, казенные же вырубаются (вслѣдствіе застоя въ торговлѣ) сравнительно въ меньшей степени“³⁾.

Въ *Гродненской губерніи*, по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ памятной книжкѣ этой губерніи за прошлый годъ:

„Изъ общаго пространства земли 3.547,746 десятинь, подъ лѣсами со- стоитъ 837,818 десятинь, изъ коихъ 472,285 дес. принадлежатъ казнѣ. Сравни- вая количество десятинь строеваго и дровянаго лѣса, бывшаго въ этой гу- берніи десять лѣтъ тому назадъ, съ существующими въ настоящее время лѣсами, слѣдуетъ придти къ заключенію, что *въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ убыло въ губерніи 48,186 десятинь*“.

„Въ *лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ* лѣсное хозяйство ведется крайне не- рационально: тамъ *въ два съ половиною раза вырубается больше деревь, чѣмъ бы слѣдовало по расчету*. Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ *цѣны на дрова поднялись по крайней мѣрѣ на 40%*“⁴⁾.

Изъ *Минской губерніи* пишутъ въ газету „*Nowiny*“:

„Въ послѣдніе десять лѣтъ состояніе нашей губерніи сильно измѣни- лось: прежде большая часть ея поверхности была покрыта густымъ, часто недоступнымъ для людей, лѣсомъ, въ настоящее время лѣса ея едва доставляютъ дрова. Послѣ проведенія Московско-Брестской и Либаво-Ро- менской желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ губерніи съ большими мѣстами погребленія древесины—Петербургомъ, Москвою, Варшавою, Кіевомъ и т. п., сбытъ лѣса увеличился почти на 150%. Истребленіе нашихъ лѣ- совъ происходитъ теперь въ огромныхъ размѣрахъ и не послѣднюю роль

¹⁾ Idem, № 2649. Интересно было бы сдѣлать такой же расчетъ по *всѣмъ* уѣздамъ нашего отечества.

²⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г. № 207.

³⁾ „Новости“ 1883 г., № 119.

⁴⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г., № 132.

между лѣсоистребителями играютъ самовольные порубки. Кража лѣса на столько же распространена, какъ и конокрадство. Лѣсные воры настолько усовершенствовались, что наилучшимъ образомъ организованная лѣсная стража рѣдко можетъ поймать ихъ на мѣстѣ преступленія; впрочемъ, и поимка вора вещь бесполезная, такъ какъ судъ обыкновенно оправдываетъ „за недостаткомъ уликъ“.

„Прежде лѣсныя порубки были сравнены по закону съ другими видами присвоенія чужой собственности. Въ практикѣ однако примѣненіе этого закона имѣло весьма печальныя послѣдствія: ежегодно множество крестьянъ сидѣло въ тюрьмахъ за кражу лѣса, а мѣстное сельское хозяйство лишалось столько же рабочихъ рукъ. Этимъ и объясняется измѣненіе закона о самовольныхъ порубкахъ. Непониманіе простымъ народомъ правъ собственности происходитъ не по его винѣ. Нельзя его строго наказывать за то, что онъ смотритъ на лѣсъ глазами своихъ предковъ, жившихъ въ тѣ блаженныя времена, когда никто не заботился обладать обширными лѣсами“.

„Что касается „законнаго“ истребленія лѣсовъ, т. е. ихъ лѣсовладельцами, то на это главнымъ образомъ вліяютъ: недостатокъ дешеваго кредита и затрудненія при продажѣ имѣній“ ¹⁾.

Неотрады газетныя извѣстія о состояніи лѣсовъ въ *Привислянскомъ краѣ*: исторически извѣстные Любартовскіе, Барановскіе и Свентокржишскіе лѣса въ недалекомъ будущемъ перестанутъ существовать и о нихъ сохранился лишь одно преданіе. Та же участь ждетъ и Ломжинскіе лѣса.

„*Люблинская газета* жалуется на страшное истребленіе лѣсовъ въ Царствѣ Польскомъ и предсказываетъ возвышеніе цѣнъ на дрова. Стоитъ только проѣхать по берегамъ рѣки Вепря, гдѣ недавно стояли дремучіе лѣса, которые срубить и вывезти составляло не маловажный трудъ. Теперь въ тѣхъ мѣстахъ не только мало строевыхъ деревьевъ, но и простаго топлива. Извѣстныя во всей Польшѣ *Любартовскіе лѣса*, тянувшіяся на огромное пространство—представляютъ нынѣ только воспоминаніе о томъ, что тамъ былъ когда то лѣсъ. Отъ знаменитыхъ Барановскихъ лѣсовъ уцѣлѣли кое-гдѣ небольшіе остатки, но и они уже начинаютъ съ каждымъ днемъ исчезать. Продается по 36 коп. одноконная большая фура. Дубовыя бревна въ 10 локтей длиною, съ ободранною кожевенниками (?) корку, идутъ по 60 коп. одноконная фура. По нѣскольку такихъ фуръ ежедневно проходитъ черезъ посадъ Миховъ“ ²⁾.

Въ газету „*Новое Время*“ пишутъ изъ Варшавы, что въ *Привислянскомъ краѣ*

„продолжаетъ практиковаться страшное истребленіе старыхъ, дремучихъ лѣсовъ; если это дѣло будетъ идти такимъ образомъ, то въ Польшѣ

¹⁾ „Nowiny“ 1883 г., № 46.

²⁾ „Новое Время“ № 2476 и „Nowiny“ 1883 г., № 23.

не останется старыхъ лѣсовъ, а если и останется немного, то развѣ по имѣніямъ магнатовъ—рощи для прогулки. Въ настоящее время идетъ страшная рубка гигантскихъ елей въ *Свентокржшискиахъ лѣсахъ*—можно сказать въ Карпатахъ Царства Польскаго. Изъ этихъ елей тутъ же на мѣстѣ отсылаются громадныя балки, по 30 локтей въ длину и болѣе, и сплавляются по рѣкамъ Нидъ и Вислѣ въ Данцигъ! Главный складъ этихъ драгоцѣнныхъ балоковъ находится въ губернскомъ городѣ Кѣльцахъ“¹⁾.

„*Лѣса, принадлежащіе частнымъ лицамъ въ Ломжинской губерніи, истребляются по словамъ газеты „Новости“, самымъ безпощаднымъ образомъ.* Такое истребленіе лѣсовъ идетъ всего быстрѣе въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя переходятъ въ руки мелкой шляхты или крестьянъ. Тутъ лѣсъ сводится обыкновенно безъ остатка. Не падаютъ даже такіе участки его, которые устроены по правиламъ лѣснаго хозяйства для обезпеченія крестьянскихъ сервитутовъ. Участіе въ подобномъ истребленіи принимаютъ нерѣдко и сами крестьяне, не очень заботясь въ такихъ случаяхъ объ обезпеченіи своихъ правъ или надѣясь, что права эти будутъ возстановлены въ другомъ видѣ. Обезлѣсеніе же края ведетъ къ весьма неблагоприятнымъ послѣдствіямъ. Зимы становятся холоднѣе и переменчивѣе. Лѣтомъ появляются засухи и лѣсные матеріалы дорожаютъ годъ отъ году. Еще въ *шестидесятыхъ годахъ* сажень дровъ стоила тутъ не болѣе 4 рублей, теперь же отъ 10 до 12 рублей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже и дороже. Можно съ увѣренностью сказать, что въ недалекомъ будущемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи останутся исключительно одни казенные лѣса, а потому охраненіе послѣднихъ и рациональный способъ эксплуатаціи ихъ становится важнымъ государственнымъ дѣломъ“²⁾.

„Въ окрестностяхъ *Видавы и Буржестина*, надъ рѣками Видавкою и Варгою, въ *Ласкомъ и Страдскомъ уѣздахъ*, изобилующихъ съ давнихъ поръ лѣсами, оказался въ настоящее время, какъ увѣряетъ „*Варшавскій Дневникъ*“, недостатокъ не только строеваго лѣса, но и топлива. Въ виду этого пришлось прибѣгнуть къ эксплуатаціи торфяниковъ“³⁾.

Г. М. Доброгаевъ сообщаетъ въ „*Земледѣльческой Газетѣ*“⁴⁾ интересныя свѣдѣнія о постепенной расчисткѣ лѣсовъ въ *Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи* и обращеніи изъ подъ нихъ почвы въ пашню, съ указаніемъ на сколько это выгодно для лѣсовладѣльцевъ:

„Корочанскій уѣздъ принадлежитъ къ числу наиболѣе бѣдныхъ лѣсомъ; въ настоящее время во всемъ уѣздѣ почти только и существуетъ Корочанская вѣзжая дача (болѣе 15,000 десятинъ), три четверти площади которой

1) Idem № 2551.

2) „Новости“ 1883 г., № 205.

3) „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г., № 152.

4) 1883 г., № 12, стр. 225—226. Заимствовано съ пропусками и сокращеніями.

представляютъ сплошной садъ съ дикими грушевыми и яблоневыми деревьями и растущими подъ ихъ пологомъ кустарными породами, преимущественно орѣшникомъ. Дача эта тянется узкою полоскою на протяженіи 35 верстъ и исключительно удовлетворяетъ потребности въ лѣсѣ прилетающихъ къ ней селеній и самаго города Короча. Кромѣ этой дачи, есть еще довольно значительная, тоже вѣзжая дача—Нежегольская. На всемъ же остальномъ пространствѣ *лѣсъ частью уже вырубленъ, выкорчеванъ, а бывшая подъ нимъ земля обращена въ пахотную землю, частью же лѣсъ дорубается, и земля изъ подъ лѣса обращается въ пахотную.* Причина этому—высокая арендная плата за пахотныя земли: цѣна въ 20 рублей подъ полевые озими стала во многихъ мѣстахъ обыкновенною. Крестьяне, получившіе лѣтъ 12 тому назадъ лѣсные надѣлы, нерасчетливо начали рубить на надѣлахъ лѣсъ; кромѣ того, они оставили его безъ всякаго присмотра, такъ что каждый, кто хотѣлъ, рубилъ на надѣлахъ лѣсъ; понятно, что лѣсъ скоро былъ истребленъ, и лѣтъ черезъ пять послѣ выдачи владѣнныхъ записей, лѣсъ имѣлъ видъ жалкихъ кустарниковъ, землю изъ подъ которыхъ пришлось только обратить подъ пашню. Съ этою цѣлью крестьяне начали отдавать вырубленные участки подъ выкорчевку въ аренду другимъ лицамъ на извѣстное число лѣтъ (обыкновенно на шесть) съ ежегодною платою по 2 рубля. Не смотря на значительный трудъ и капиталъ, потребные для выкорчевки земли изъ подъ лѣса и для обращенія земли этой въ пахотную занятіе это считается весьма прибыльнымъ. Снявши у крестьянъ землю, бывшую подъ лѣсомъ, въ тотъ же годъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, преимущественно осенью, приступаютъ къ выкорчевкѣ пней. Плата за выкопку пней полагается отъ десятины, именно 30 рублей; кромѣ того, еще платится продуктами: 2 мѣры пшена, $\frac{1}{4}$ ведра постнаго масла; $\frac{1}{4}$ ведра водки; далѣе *копачи* выговариваютъ иногда еще 3—4 мѣры картофеля соли 10—20 фунтовъ, такъ что выкопка пней съ одной десятины обходится въ 40—50 рублей. За эту плату копачъ обязанъ выкопать всѣ пеньки. Выкопка производится мотыгою (*копачицею*), весьма длинною—четверти въ двѣ—и шириною не болѣе 3 вершковъ. Этою мотыгою вокругъ пеньки обрубиваютъ корни, затѣмъ вагою пень выворачивается наружу. Выкапываютъ не весь пень изъ земли, а только на столько, чтобы остающіяся въ землѣ части пня не препятствовали пахать, именно вершковъ на пять; за означенную плату копачи обязаны только высвободить пни изъ земли, очистка же поверхности отъ пней не обязательна для нихъ. Очистку производятъ другіе рабочіе, которые сносятъ пни на сторону и складываютъ ихъ въ кучи, а мелочь сожигаютъ на мѣстѣ; за очистку или получаютъ въ свою пользу весь пневый лѣсъ, или же берутъ по 6 рублей отъ десятины. Специалистами по выкопкѣ пней считаются крестьяне Мясоѣдовскіе, Боровскіе, Лиговскіе и др. селеній, находящихся на границѣ Бѣлгородскаго уѣзда съ Корочанскимъ“.

„Съемка земли подъ выкорчевку ея изъ подъ лѣса и пользованіе землею затѣмъ въ теченіи шести лѣтъ на столько выгодна, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ въ теченіи одного года окупаются всѣ расходы по выкорчевкѣ пней. Наиболѣе цѣнными считаются мѣста, бывшія подъ

орѣховымъ кустарникомъ. Нормальная плата въ первый годъ за десятину такой земли—30 рублей въ годъ“¹⁾).

Югозападная и южная губернии, уже теперь страдающія отъ недостатка въ лѣсѣ, отличаются въ дѣлѣ лѣсоистребленія такою же ревностію, какъ сѣверныя и восточныя.

„Въ послѣдніе годы лѣсная промышленность въ Югозападномъ краѣ Имперіи находится, по словамъ „*Новаго Времени*“, исключительно въ рукахъ разныхъ эксплуататоровъ, которые въ частныя имѣнія вырубаютъ лѣса сплошными массами, безъ всякой заботы о сохраненіи ихъ на будущее время. И если такая мѣстность, какъ Волянь, частью еще изобилуетъ лѣсами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, то только благодаря тому, что на нихъ нѣтъ сбыта, по неимѣнію вблизи сплавныхъ рѣкъ и главныхъ потребителей лѣса—железныхъ дорогъ, паровыхъ фабрикъ и заводовъ. Только казенные лѣса представляютъ исключеніе, такъ какъ изъ нихъ хотя лѣса продаются, но въ извѣстной пропорціи, опредѣленнымъ количествомъ“²⁾).

Изъ „*Краткихъ статистико-экономическихъ очерковъ современнаго состоянія Подольской губерніи*“³⁾ мы узнаемъ, что въ этой губерніи

„Лѣсное хозяйство ведется правильно лишь въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, лѣса же частныхъ владѣльцевъ быстро уничтожаются и раззоряются самымъ хищническимъ образомъ. Такой способъ веденія лѣснаго хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ можетъ угрожать полнымъ обезлѣсеніемъ губерніи. Еще въ 1867 году подъ лѣсомъ состояло 713,667 десятинъ, а въ настоящее время числится лишь 516,538 десятинъ, т. е. въ теченіе 14 лѣтъ уничтожено около 197,000 дес. лѣса. На такое истребленіе лѣсовъ въ губерніи вліяетъ значительное потребленіе дровъ на заводахъ, фабрикахъ и

¹⁾ Прогрессивное уничтоженіе лѣсовъ съ цѣлью увеличенія пахотныхъ земель, луговъ и огородовъ замѣчается и въ другихъ губерніяхъ; такъ, напр., въ Радомской губерніи въ послѣднія 12 лѣтъ сельскохозяйственныя угодья увеличились на 60,000 десятинъ, или на 10%, насчетъ лѣсной площади („Голосъ“ 1883 г., № 3). Тоже самое замѣчается и въ Ковенской губерніи („Новости“ 1883 г., № 50). Но встрѣчаются и исключительныя мѣстности, гдѣ, наоборотъ, можно видѣть увеличеніе въ послѣднее время лѣсной площади чрезъ запущеніе подъ лѣсъ пахотныхъ полей. Такъ, напр., *Портычскій уездъ* Смоленской губ., въ которомъ „послѣ освобожденія крестьянъ количество лѣса почти утроилось, такъ какъ прежнія господскія пахоти теперь, влѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, всѣ обращены подъ лѣсъ“. („Новости“ 1883 г., № 48.

²⁾ „Новое Время“, № 2565.

³⁾ Очерки эти помѣщены въ „Сборникъ свѣдѣній о Подольской губерніи“, выпускъ II, изданіе Подольскаго статистическаго комитета, а рефератъ объ нихъ въ „Правительственной Вѣстникъ“ 1883 г., № 91. См. также „Новости“ 1883 г., № 218.

железныхъ дорогахъ, которые ежегодно сожигаютъ до 188,000 сажень, такъ какъ каменный уголь почти не употребляется“.

„Истребленіе лѣсовъ въ Ямпольскомъ уездѣ (той же губ.) за послѣднее время приняло громадныя размѣры. Масса рабочихъ рукъ занята рубкой и перевозкой дровъ. Торговцы бросаютъ свои лавки и даже столь выгодныя занятія, какъ торговлю спиртомъ, и покупаютъ лѣса. Это занятіе доставляетъ имъ, какъ говорятъ, громадныя заработки“¹⁾.

Изъ м. Бершадъ Олгопольскаго уезда (Подольской губ.) пишутъ въ газету „Новости“, что въ имѣніи помѣщиковъ братьевъ Сабанскихъ находятся

„прекрасныя лѣса, послѣдніе въ уездѣ, которые должны пасть жертвою предпріятія владѣльцевъ“²⁾,

устройствающихъ два сахарныя завода, между тѣмъ какъ сосѣдній Красносельскій заводъ, принадлежащій товариществу, едва существуетъ „вслѣдствіе недостатка свеклы и дровъ“. Корреспондентъ изъ Мотилева-Подольскаго сообщаетъ въ „Новое Время“.

„Въ послѣдніе годы не только въ здѣшнемъ уездѣ, но и во всѣхъ уездахъ губерніи, идетъ безпощадное истребленіе лѣсовъ. На срубъ продаютъ здѣсь частныя землевладѣльцы и собственные лѣса, доставшіеся имъ по наслѣдству, и тѣ, которые подарены имъ правительствомъ за службу по административной части въ Подоліи. Многіе лѣсовладѣльцы считаютъ даже лѣсъ „бременемъ“, статьею, требующею только однихъ расходовъ (охрана лѣсовъ), почему и потребляютъ ихъ безпощадно. Результаты лѣсоистребленія во многихъ мѣстахъ не замедлили уже сказаться. Засуха начинаетъ заявлять о себѣ тамъ, гдѣ ее прежде не знали, богатство и разнообразіе формъ растительнаго и животнаго царствъ исчезаетъ“³⁾.

Эту картину лѣсоистребленія въ Подольской губерніи мы закончимъ выпиской изъ письма, напечатаннаго въ „Земледѣльческой Газетѣ“. Описавъ поврежденіе лѣсовъ, преимущественно дубовыхъ, ожеледью, въ октябрѣ 1882 г., г. К. Детловъ продолжаетъ

„Цѣлыя лѣса, на десятки милліоновъ рублей, были тогда исковерканы въ одну ночь и до сихъ поръ представляютъ самую печальную картину. Буреломъ тогда было такъ много, что его некуда дѣвать, и потому онъ не вездѣ еще подобранъ, а бѣдныя дубы продолжаютъ стоять безъ сучьевъ и вершинъ, обреченныя на болѣзнь и медленную смерть. Природа, однако, повредила здѣсь только разъ и, при благоразумной помощи человѣка, въ вѣсколько десятковъ лѣтъ больныя деревья замѣнятся другими, здоровыми. Но судя по тому, что здѣсь теперь происходитъ съ лѣсами,—этой помощи ожидать неоткуда. Напротивъ, происходитъ возмутительнѣйшее, система-

1) „Новости“ 1883 г., № 73.

2) Idem № 10.

3) „Новое Время“ № 2717

тическое обезлѣсеніе края, противъ котораго должны дѣйствовать всё, словомъ и перомъ, кому нежелательно обращеніе этой мѣстности въ сухую, открытую всѣмъ вѣтрамъ степь, въ родѣ Новороссіи“.

„Вотъ факты: Въ Ушицкомъ и Могилевскомъ уѣздахъ кубической стосъ дровъ (около 1½ куб. сажени) доходить до 35 рублей, и по этой цѣнѣ не всегда можно купить ежегодно необходимое для дѣйствія сахарныхъ заводовъ количество стосовъ. Между тѣмъ, не болѣе 10 лѣтъ тому, стосъ дровъ стоилъ 15—17 рублей. *Бушанское имѣніе г. Оржеховскаго, въ Ямпольскомъ уѣздѣ, не болѣе 10 лѣтъ тому имѣло болѣе 2,000 десятинъ лѣса, теперь же не имѣетъ ни одной,*—все выкорчевано и обращено въ пахоть, которая даетъ болѣе дохода. То же уменьшеніе лѣсной площади, на счетъ пахотной, видно здѣсь повсемѣстно, и бѣда не только въ этомъ, но еще болѣе въ томъ, что площадь, оставляемая и на будущее время подъ лѣсомъ, не оберегается отъ погравъ и порубокъ, и что молодые лѣса мало обѣщаютъ въ будущемъ. Вдобавокъ, на многихъ помѣщичьихъ лѣсахъ лежатъ сервитуты: крестьяне имѣютъ право косить въ нихъ сѣно и пастись скотъ. Можно представить себѣ, какъ пріятно быть владѣльцемъ такого лѣса, какъ выгодно и удобно оберегать его? А тутъ услужливый еврей предлагаетъ хорошую цѣну,—дойлой лѣсъ. А что новаго лѣса уже не вырастетъ на этомъ мѣстѣ, за то поруккой владѣющіе правомъ сервитута“¹⁾.

Такія же печальныя вѣсти сообщаютъ и изъ *Бессарабской губерніи*:

„Лѣсоистребленіе въ губерніи принимаетъ въ послѣднее время широкіе размѣры. Рубить всё, кому вздумается, рубить всюду и во всякое время—лѣтомъ, осенью, зимой и весной. Нѣкоторые уѣзды, гордившіеся нѣкогда прекрасными лѣсами, представляютъ голую пустыню. *Скоро существованіе лѣсовъ въ Бессарабскомъ краѣ перейдетъ въ легенду“*²⁾.

Далѣе изъ *Кишинева* пишутъ въ началѣ октября:

„Зима приближается и въ это время кишиневцы, по обыкновенію, запасаются топливомъ, но въ настоящее время, даже въ складахъ лѣснаго матеріала—хоть шаромъ покати“³⁾.

Весьма картинно и довольно своеобразно описывается лѣсоистребленіе въ *Екатеринославской губерніи* мѣстнымъ „*Листкомъ*“:

„При невѣжествѣ съ одной стороны, при равнодушіи, хищничествѣ, безжалостномъ отношеніи къ дарамъ природы съ другой, ни одна отрасль нашего хозяйства не представляетъ такого сильнаго запустѣнія и упадка, въ какомъ мы видимъ *лѣсоводство*. Рубить безпоощадно, безъ мѣры, безъ счета; *лѣсоистребленіе движается гигантскими шагами!*... Еще въ концѣ шестидесятихъ годовъ Днѣпръ утопалъ въ зелени вѣковыхъ дубовъ и кустарной поросли, берега его вплоть отъ Екатеринослава до Александровска и

¹⁾ „Земледѣльческая газета“ 1883 г., № 44, ст.: 876.

²⁾ „Новое Время“ № 2464.

³⁾ „Новое Время“ № 2738.

почти до Никополя представляли разнообразную, невыразимо-чуждую картину природы. Теперь мы многих мѣстъ не узнаемъ: не видимъ лѣтомъ не только тѣнистыхъ гигантовъ, но даже сколько-нибудь замѣтной растительности... Для лѣса, растущаго по Днѣпру, зима, съ ея длинными ночами, съ ея доступными ледяными мостами—самое тяжелое время! Въ эту пору въ одномъ мѣстѣ лѣсъ исчезаетъ цѣлыми площадями, въ другомъ — лѣсъ рѣдѣетъ, лѣсъ стонетъ отъ стука топора, отъ скрипа неумолимой пилы“.

„По Днѣпру, ниже пороговъ, ниже скаль Кичкаса, стелется на протяженіи 9 верстѣ островъ *Хортица*. Гористые склоны береговъ Хортицы еще недавно изобиловали чуднымъ дубовымъ лѣсомъ; вся южная часть острова представляла обширную площадь *плавень*. Теперь эти живописные склоны обнажены, плавни рѣдѣютъ и, быть можетъ, недалеко то время, когда память о лѣсѣ сольется съ остальными историческими разсказами о Хортицѣ, перейдетъ въ область преданій... Островъ Хортица — эта естественная крѣпость историческихъ народовъ, эта колыбель славнаго Запорожья, привлекаетъ живыми памятниками прошлаго и художниковъ, и ученыхъ-туристовъ, и простыхъ смертныхъ, любящихъ родную исторію; по этому, говоря о лѣсовстребленіи, мы считаемъ не лишнимъ поговорить здѣсь съ большими подробностями. Какъ извѣстно, Хортицкій островъ прилегаетъ съ одной стороны къ Александровскому уѣзду, а съ другой—къ той части Екатеринославскаго уѣзда, которая заселена менонитами; на самомъ островѣ (2,500 десят.) поселена также небольшая колонія (Островъ—Хортица). Издавна лѣсное хозяйство здѣсь велось на болѣе правильныхъ началахъ, порубки (т. е. рубки) производились чрезъ нѣсколько лѣтъ и въ извѣстныхъ участкахъ, молодые деревья не только охранялись, но и составляли предметъ особой заботливости менонитовъ. Въ семидесятыхъ годахъ чаще и чаще стали повторяться *тайныя* порубки, наконецъ съ 1878 года начинается *открытое опустошеніе* лѣсной части Хортицы жителями г. Александровска и его предмѣстій. Съ 1881—1882 гг. это опустошеніе приняло ужасающіе размѣры. На островѣ всю зиму, день и ночь, толкутся не только александровскіе мѣщане, толкутся здѣсь и крестьяне болѣе или менѣе отдаленныхъ селъ и деревень — Вознесевки, Степной, Николаевки, Мокрой. По улицамъ г. Александровска днемъ и ночью тянутся сани, возы, брѣчки, навьюченные хворостомъ, обрубами деревьевъ въ обхватъ человѣка; на базарахъ города встрѣчаются тѣ-же „хуры“, и никому не секретъ, что это — чужое, краденое, грабленое (?) имущество...“

„Читатели насъ вправѣ спросить: что же дѣлаютъ обладатели лѣса, менониты? Въ 1880 г., на мѣстѣ преступленія, они изловили нѣсколько воровъ, предъявили искъ, результатомъ чего въ рукахъ ихъ очутились исполнительные листы. Искать убытковъ съ малосостоятельныхъ, наконецъ озлоблять сосѣдей,—они не рѣшились, простили, а послѣдствіемъ безнаказанности явилась большая смѣлость... Въ слѣдующемъ 1881 году охранявшихъ лѣсъ менонитовъ избили и грозили напасть на колонію...“

„На дняхъ намъ лично пришлось быть на мѣстѣ страшнаго лѣснаго опустошенія: мы видѣли десятки тысячъ иней, видѣли, съ какою нахальною смѣлостью набгасывается и горожанинъ, и селянинъ на чужое добро...“

Не касаясь прежнихъ порубокъ, достаточно сказать, что *за два мѣсяца* текущей зимы *истреблена лѣсная площадь въ 35 десятинъ!*...“

„Не скажутся-ли послѣ этого охранительные органы, въ крайнемъ случаѣ, надъ природой, надъ ея дарами, надъ тѣми великими благами вѣковъ, какія завѣщаны намъ предшествовавшимъ поколѣнiемъ людей, болѣе бережливыхъ, болѣе разсчетливыхъ?...“¹⁾

Эти вѣсти „*съ береговъ Днѣпра*“, объ истребленіи Хортицкаго лѣса были приняты къ сердцу редакціей „Листка“, которая посвятила обсужденію ихъ передовую статью, убѣдительно доказывающую, что наступило уже время въ Екатеринославской губерніи дорого цѣнить каждую пядь земли, покрытую лѣсомъ. Приводимъ изъ нея нѣкоторыя мѣста:

„Корреспонденція эта, отъ начала до конца—воплъ возмущеннаго чувства негодованія на ту безурядицу въ лѣсномъ вопросѣ, на ту дикую жадность, на то безпощадное, варварское хищничество, съ которымъ истребляются у насъ послѣдніе остатки первобытныхъ лѣсныхъ угодій. 35 десятинъ лѣса расхищено въ теченіе двухъ мѣсяцевъ! И зачѣмъ? Вы полагаете изъ нужды? Рѣшительно нѣтъ: нечего дѣлать зимою—и ѣдутъ на промыселъ въ чужіе лѣса, чтобы, потомъ, заработанное пропить въ первомъ трактирѣ“.

Далѣе:

„Кому же подумать объ огражденіи нынѣ существующихъ лѣсовъ? Попятно: тому, кто призванъ заботиться объ общемъ экономическомъ благѣ данной мѣстности, а такими блюстителями экономическихъ благъ въ нашей губерніи являются земскія и городскія учрежденія. Что же у насъ дѣлаютъ эти печальники экономическихъ благъ края, въ вопросѣ объ огражденіи лѣсовъ отъ расхищенія? До сихъ поръ губернское земское собраніе, разъ въ три года, устанавливало таксу за лѣсныя порубки; уѣздныя земскія собранія—даже и таксою не были озабочены: они ровно по этому вопросу ничего не дѣлали, а о какихъ-либо фактическихъ воздѣйствіяхъ даже и не помыслили. Просмотрите всѣ земскіе сборники: отдѣльныхъ заявленій о безпощадномъ лѣсоистребленіи много было, даже подавались и проэкты огражденія лѣсовъ, а на дѣлѣ ничего не предпринято, и охрана лѣсовъ предоставлена или собственному почину лѣсовладѣльцевъ (въ дачахъ частныхъ), или вовсе извнѣ не установлена (въ дачахъ общественныхъ). Кажется даже, никому изъ земцевъ не приходила въ голову и мысль о необходимости охраны частныхъ лѣсовъ земскими средствами, напр., въ случаяхъ невозможности для частныхъ владѣльцевъ справиться своими силами съ лѣсоистребленіемъ, какъ въ данномъ случаѣ. Поэтому, всякій въ правѣ сказать, что *земствами ровно ничего не предпринято для фактическаго сохраненія лѣсовъ хоть тамъ, гдѣ это возможно*, хотя и сознава важность лѣсонасажденій для общаго благополучія страны. *Если бы губернское зем-*

¹⁾ „Екатеринославскій Листокъ“ 1883 г., № 13.

ство не ограничивалось однимъ безплоднымъ утвержденіемъ таксы за порубки, а установило и известную лѣсную стражу, какъ общественную повинность (разумѣется, не натуральную, а денежную), то это было бы практическимъ рѣшеніемъ вопроса, хотя палліативнымъ, но вполне разумнымъ. Такое рѣшеніе всегда было въ рукахъ земства и могло обойтись весьма недорого. Только такую мѣрою было бы положено начало введенію тѣхъ законодательныхъ нормъ лѣсобереженія, надъ выработкою которыхъ нынѣ трудятся специалисты дѣла. Она пособила бы рѣшенію лѣснаго вопроса и придвинула бы его, по времени, къ нынѣшнимъ насущнымъ нуждамъ¹⁾.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ появленія вышеприведенной передовой статьи, въ томъ же „Екатеринославскомъ Листокѣ“ напечатана корреспонденція изъ села Завадовщины (Елисаветовка тожъ) Новомосковскаго уѣзда, сообщающая не менѣе возмутительный фактъ лѣсоистребленія:

„Поразительное опустошеніе лѣсовъ въ нашей части уѣзда наводитъ всякаго на грустные размышленія. Давно-ли здѣсь росли на большихъ пространствахъ дубъ, береза, осина и другія лѣсныя деревья, и въ сторону береговъ р. Днѣпра, и въ сторону с. Петриковки? Давно-ли въ этихъ рощахъ обильно цвѣли ландыши весной, водились всякія птицы, а въ лѣтнюю пору косили отличное сѣно? Давно-ли здѣсь, въ зимнее время, охотились на зайцевъ и лисицъ, ловили стаями куропатокъ, стрѣляли, осенью, всякую дичь? И десятка лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, а уже не осталась и помина отъ всѣхъ этихъ природныхъ благъ: рука хищника-человѣка все истребила. Не только деревья, даже кустарники—все до гола вырублено, распродано. *Вездѣ образовались кучуруры обнаженныхъ песковъ, переносимыхъ съ мѣста на мѣсто.* А всему виною опека... Говорятъ, какіе-то опекуны, отдавая арендаторамъ по контракту земли Завадовскія (сколо 17,000 десят.), по баснословно-дешевой цѣнѣ, около 1 рубля за десятину, предоставили имъ право *безграничнаго* пользованія лѣсами и кустарниками, даже съ вырубкою ихъ. Разумѣется, арендаторы воспользовались своими правами во всю ширь русскаго человѣка, и тогда-то началась повальная рубка всякой растительности. Не пощадилъ ни вѣковыхъ березъ, ни дубовъ, ни кустарниковъ: все пало подъ топоромъ и, разумѣется, не выростетъ болѣе. Интересно-бы знать: кто такіе были опекуны и по какому праву они распорядились широко своими опекунскими полномочіями? Несомнѣнно, что истребленіе Завадовскихъ лѣсовъ вредно отразится и на климатическихъ особенностяхъ всего этого „кутка“ уѣзда, на благосостояніи окрестныхъ жителей, а потому принесеніе этихъ лѣсовъ въ жертву немногимъ должно было обратить на себя вниманіе даже мѣстныхъ властей...“²⁾.

Очень характерна причина, вызвавшая лѣсоистребленіе въ окрестностяхъ *станции Галашевской* (Донской Области).

¹⁾ „Екатеринославскій Листокъ“ 1883 г., № 17.

²⁾ *Idem*, № 27.

„Нельзя не обратить вниманія на ту систематическую порчу лѣса, пишутъ въ газету „Новости“, каковая практикуется у насъ мѣстными жителями. Великолѣпные еще недавно лѣса, состоящіе преимущественно изъ дуба, погибнуть въ скоромъ времени окончательно. Дѣло въ томъ, что населеніе, занимаясь поставкою на кожевенные заводы дубовой коры, употребляющей тамъ для дубленія кожъ, *безпощадно сдираютъ съ деревьевъ кору*, вслѣдствіе чего вѣковые дубы быстро засыхаютъ“ 1).

Изъ *Симферополя* сообщаютъ въ ту же газету:

„Мнѣ приходится говорить о вѣчно старомъ, давно уже всѣмъ пріѣзжаемъ, но имѣющемъ громадное значеніе, вопросѣ—о безолаберномъ веденіи лѣснаго хозяйства. Крымъ не можетъ похвастаться количествомъ и качествомъ лѣсовъ, такъ какъ въ степной части его не приходится встрѣтить ни одной порядочной рощи, а приближающіяся къ Яйлъ возвышенности покрыты рѣдкимъ кустарникомъ-дубовикомъ, который не годится ни на топливо, ни на постройку. Только цѣли Крымскихъ горъ покрыты порядочнымъ лѣсомъ, между которыми весьма часто встрѣчаются одичавшія фруктовые деревья, напоминающія о бывшихъ здѣсь нѣкогда богатѣйшихъ садахъ. Но большая часть этихъ лѣсовъ растетъ по такимъ кручамъ, гдѣ его и вырубить нельзя, а если и можно добраться съ топоромъ, то развѣ только рискуя свалить дерево въ пропасть, гдѣ оно и должно остаться на вѣки. Вслѣдствіе этого, меньшая часть наиболѣе доступныхъ лѣсовъ вырубается безъ всякой системы, что крайне плохо отзывается на экономическомъ положеніи живущихъ при рѣкахъ хозяевъ. Дѣло въ томъ, что наши рѣки берутъ свое начало въ горахъ и питаются лѣтомъ оставшимся отъ зимы снѣгомъ. Съ уничтоженіемъ же лѣсовъ, данная мѣстность привлекаетъ къ себѣ гораздо менше влаги и держитъ ее лишь непродолжительное время. Поэтому-то, въ лѣтніе, жаркіе мѣсяцы, всѣ главныя рѣки, какъ-то: Сальгиръ, Бурулча, Карасу и другія или совершенно пересыхаютъ, или же стремятся едва замѣтными ручейками. Слѣдуетъ замѣтить, что берега этихъ рѣкъ сплошь покрыты садами, баштанами, огородами и табачными плантаціями, для которыхъ вода необходима“. „Безпощадное истребленіе лѣсовъ вліяетъ и на баснословную дороговизну дровъ. Сажень ихъ, стоящая въ Россіи—пять-шесть рублей, у насъ продается въ иные годы по пятидесяти рублей“ 2).

„Крымскіе лѣса, читаемъ въ газетѣ же „Новости“, составлявшіе нѣкогда лучшее украшеніе и богатство мѣстности, въ настоящее время представляютъ собою до крайности неприглядную картину. Причина упадка лѣсовъ заключается въ непомѣрной вырубкѣ ихъ и, вообще, въ нерациональномъ веденіи лѣснаго хозяйства, а также въ томъ, что съ каждымъ

1) „Новости“ 1883 г., № 85. Весьма сомнительно, чтобы на донекихъ кожевенныхъ заводахъ употребляли кору „*вѣковыхъ дубовъ*“; гораздо вѣроятнѣе, что для этой цѣли пользуются корою 10—15-лѣтнихъ дубковъ, что очевидно мѣшаетъ послѣднимъ сдѣлаться съ теченіемъ времени вѣковыми деревьями. Въ такомъ смыслѣ, кажется, и слѣдуетъ понимать газетное сообщеніе.

2) „Новости“ 1883 г., № 73.

Лѣсной Журналъ 1884 г., № 2.

годомъ лѣса наши все чаще и чаще подвергаются пожарамъ. *Всѣ наилучшіе лѣса полуострова, покрывавшіе собою цѣлыя горы, въ настоящее время выгорѣли почти цѣликомъ, вслѣдствіе чего поверхность совершенно обнажена. Засѣвать горы также нѣтъ никакой возможности, такъ какъ поверхность почвы представляетъ почти голый камень, покрытый только небольшимъ слоемъ сгнившихъ листьевъ. Но даже и эти листья, во время бывшихъ лѣсныхъ пожаровъ, частію сгорѣли, незначительная же часть ихъ, хотя и могла бы образовать благопріятную для посѣва почву, но не можетъ удержаться на каменномъ грунтѣ горъ, и смывается дождями и, образуясь отъ нихъ, а также отъ таянія снѣговъ, горными потоками“¹⁾.*

Если отъ крайняго юга обратимся на сѣверъ—въ многолѣсную Сибирь, то увидимъ, что и тамъ лѣсоистребленіе делаетъ прогрессивные успѣхи.

На Алтаѣ

„Лѣсное дѣло, какъ и горнозаводское, находится далеко не въ цѣтущемъ положеніи. Лѣса сосновые истреблены, а на пихту и осину надежда плохая“²⁾.

„*Полуостровъ Муравьевъ-Амурскій* покрытъ почти сплошнымъ лѣсомъ разнообразныхъ породъ—дровянымъ, подѣлочнымъ, строевымъ и корабельнымъ. Впрочемъ *лѣса уже много истреблено, такъ что на сѣверъ отъ Владивостока до пяти верстъ весь лѣсъ вырубленъ*; отъ рѣки Ливчхи берегъ Амурскаго залива также широкой полосой очищенъ отъ лѣса. Значительное количество лѣса находится на островѣ Русскій. Вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ сажень однополѣнныхъ дровъ на мѣстѣ доходитъ до 8 руб.; бревно для постройки—до 6 вершковъ толщины и 3-хъ сажень длины—стоитъ до 5 рублей“³⁾.

Вышеприведенныя газетныя свѣдѣнія достаточно полно обрисовываютъ картину всероссійскаго лѣсоистребленія и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на причины, вызывающія его появленіе. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ еще отнести не бывалое до сихъ поръ на Руси явленіе—*банковья банкротства*. Такъ „*Русскимъ Вѣдомостямъ*“ сообщаютъ изъ Алексина (Тульской губ.), что

„*для удовлетворенія кредиторомъ обанкротившагося тамошняго городского банка дума намѣрена продать на срубъ прекрасную сосновую рощу, расположенную вблизи города. Подобное рѣшеніе вызываетъ горькія сѣтованія бѣднѣйшихъ жителей города, для которыхъ эта роща служитъ единственнымъ источникомъ пропитанія: на лѣто, благодаря этой рощѣ, пріѣзжаетъ масса дачниковъ изъ Тулы и Калуги съ лечебною цѣлью, и бѣдные жители, отдавая въ наймы свои домики и служивая дачникамъ, запасаются средствами на цѣлый годъ“⁴⁾.*

¹⁾ „Новости“ № 225.

²⁾ „Новое Время“, № 2802.

³⁾ „Правительственный Вѣстникъ“ 1883 г., № 188.

⁴⁾ „Новости“ 1883 г., № 155.

Точно также въ *Оренбургѣ*, по свѣдѣніямъ той же газеты, „*кракъ Саратовско-Симбирскаго земельного банка* породилъ цѣлую массу денежныхъ затрудненій; въ Оренбургъ прибылъ повѣренный банка, по поводу безходности Каноникольской дачи, заложенной въ этомъ банкѣ въ суммѣ 1.200,000 рублей. Онъ хотѣлъ вступить въ сдѣлку съ лѣсопромышленникомъ Ш., изъявившимъ желаніе взять дачу въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ съ цѣлью эксплуатаціи лѣса, но Ш. предложилъ такія невыгодныя условія, что ежели бы банкъ согласился на нихъ, то по окончаніи срока аренды лѣсъ былъ бы весь вырубленъ, за исключеніемъ растущаго на неприступныхъ горахъ. Въ настоящее время ведутся переговоры съ лѣсопромышленникомъ Скворцовымъ“¹⁾.

— Просматривая послѣднія 8—10 страницъ нашей лѣтописи, невольно задаешь себѣ вопросъ, когда же наконецъ прекратится это гомерическое лѣсоистребленіе въ нашемъ отечествѣ и есть ли хотя малѣйшая надежда на лучшее ближайшее будущее?... Газетныя извѣстія даютъ, повидимому, возможность отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно:

„*Новый лѣсной законопроектъ*, по словамъ газеты „*Новости*“, окончательно выработанъ и внесенъ уже г. министромъ государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаремъ Островскимъ, на разсмотрѣніе *Государственнаго Совета* въ законодательномъ порядкѣ. Законопроектъ этотъ предлагаетъ, въ огражденіе дальнѣйшаго истребленія въ имперіи лѣсовъ, установить слѣдующія главныя начала. Всѣ лѣса имперіи раздѣлить на двѣ категоріи: 1) на безусловно подлежащіе сохраненію и 2) на лѣса, въ которыхъ лѣсовладѣльцу предоставляется право пользованія лѣсомъ съ воспрещеніемъ только обращать лѣсную площадь въ другіе виды угодій“.

„*Къ первой категоріи* отнесены: а) лѣса и кустарники, содержащіе сыпучіе пески и препятствующіе распространенію ихъ на морскихъ прибрежьяхъ, по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, каналовъ и защищающіе отъ песчаныхъ заносовъ города, селенія, желѣзныя, шоссежныя и почтовые дороги, обработанныя земли и всякаго рода угодья; б) лѣса и кустарники, охраняющіе берега судоходныхъ рѣкъ и каналовъ отъ обрывовъ, размывовъ и поврежденія ледоходомъ и в) лѣса и кустарники на горахъ, крутизнахъ и склонахъ, препятствующіе размыву почвы, образовавію слѣжныхъ обваловъ и быстрыхъ потоковъ, причиняющихъ наводненія въ долинахъ. *Ко второй же категоріи* отнесены всѣ, вообще, какъ частныя, такъ и общественныя, лѣса“.

„Для признанія лѣса безусловно подлежащимъ сохраненію министръ государственныхъ имуществъ предлагаетъ установить слѣдующій порядокъ: 1) Право возбужденія дѣлъ такого рода предоставить всѣмъ, непосредственно заинтересованнымъ; въ сохраненіи лѣса, частнымъ лицамъ, обществамъ и учрежденіямъ, а также гласнымъ земства и чинамъ лѣснаго вѣ-

¹⁾ „Петербургская Газета“ 1883 г., № 285.

домства и министерства путей сообщения. 2) Заявленія такого рода должны подаваться въ уѣздную земскую управу того уѣзда, гдѣ расположено лѣсъ; уѣздное земство обязано сдѣлать то или другое постановленный и препроводить таковое, черезъ губернское земское собраніе, съ заключеніемъ послѣдняго, на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Если же губернаторъ опредѣленіе уѣзднаго земства не опротестовалъ въ опредѣленный срокъ (Св. зак. т. II, ч. I, изд. 1876 г., ст. 1910), то лѣсъ предварительно признается подлежащимъ сохраненію. 3) При несогласіи министра внутреннихъ дѣлъ съ постановленіемъ уѣзднаго земскаго собранія, дѣла вносятся на окончательное рѣшеніе въ правительствующій сенатъ. 4) Лѣсовладѣльцы, недовольные рѣшеніемъ мѣстнаго земства, подаютъ свои жалобы, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, на разморѣніе правительствующаго сената, причѣмъ требуется и заключеніе министра государственныхъ имуществъ. 5) Въ губерніяхъ, гдѣ земскія учрежденія еще не введены, дѣла о признаціи лѣса безусловно подлежащимъ сохраненію будутъ возбуждаться въ мѣстномъ управленіи государственныхъ имуществъ, а разсматриваться— въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, при участіи губернскаго предводителя дворянства, управляющаго государственными имуществами и непрѣмьнаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствіа¹⁾.

„Дѣйствіе новаго лѣснаго закона министръ государственныхъ имуществъ предлагаетъ примѣнить лишь въ предѣлахъ Европейской Россіи, за исключеніемъ Великаго княжества Финляндскаго, Кавказскаго края и Царства Польскаго, а также и сѣверной лѣсистой окраины имперіи, а именно губерній: Архангельской, Вологодской, Олопецкой, Новгородской, Пермской и Вятской и расположенныхъ по лѣвую сторону рѣки Волги частей губерній Костромской, Нижегородской и Казанской“¹⁾.

Это извѣстіе принято, какъ кажется, весьма сочувственно всѣми органами печати, какъ осуществленіе давно желаемаго, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ посвятили особенныя статьи его разсмотрѣнію. Въ виду однообразія этихъ статей, мы приведемъ главнѣйшія изъ нихъ:

„Между наиболѣе настоятельными государственными вопросами въ Россіи, говорить „Новое Время“, разрѣшеніе которыхъ не можетъ быть даѣе откладываемо, находится вопросъ о сбереженіи лѣсовъ, быстро уничтожающихся подъ влияніемъ усиленной рубки ихъ частными владѣльцами. Кризисъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, послѣ реформы 1861 года, началъ повальное истребленіе лѣсовъ, а надѣлъ лѣсами государственныхъ крестьянъ окончательно общааетъ обратитъ многія мѣстности Россіи въ аравійскую пустыню. Шутка сказать—на недостатокъ въ лѣсахъ начинаютъ уже жаловаться даже въ губерніяхъ Вятской и Костромской, а кожные лѣсопромышленники вынуждены для удотворенія нуждъ сѣвернаго Кавказа, Приазовскаго края и Донской Области рубить лѣса Пермской губерніи, чѣмъ

¹⁾ „Новости“ 1883 г., № 241.

въ корнѣ губять возможное тамъ развитіе горнозаводской промышленности“.

„Лѣсное вѣдомство давно видѣло, что одними невинными мѣрами „содѣйствія частному лѣсному хозяйству“ нельзя приостановить хищническаго хозяйства въ частныхъ лѣсахъ, поэтому къ выработкѣ общаго положенія о сбереженіи частныхъ лѣсовъ, наложеніемъ на лѣсовладѣльцевъ нѣкоторыхъ ограниченій, было приступлено еще съ 1864 года. Первые предположенія министерства государственныхъ имуществъ по этому предмету передавались на заключеніе земскихъ и дворянскихъ собраній, но, понятно (?), не встрѣтили съ ихъ стороны ни малѣйшаго сочувствія. Дѣло составленія общаго положенія о сбереженіи частновладѣльческихъ лѣсовъ, вслѣдствіе этого, временно приостановилось, и министерство государственныхъ имуществъ ограничивалось изданіемъ нѣкоторыхъ частныхъ законоположеній“.

„Такъ, въ 1867 году, былъ изданъ законъ объ охраненіи лѣсовъ частныхъ и общественныхъ, главнымъ образомъ охраненіемъ ихъ отъ всякаго рода правонарушеній. Въ 1873 году, при снятіи казеннаго управленія съ лѣсныхъ надѣловъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, были установлены нѣкоторыя весьма впрочемъ ничтожныя ограниченія въ пользованіи этими надѣлами. Въ 1876 году изданы правила, регулирующія хозяйство въ лѣсахъ частныхъ и общественныхъ, въ уѣздахъ Симферопольскомъ, Ялтинскомъ и Феодосійской губерніи—Таврической. Правила эти остаются мертвою буквою (?) ¹⁾. Въ 1877 году были утверждены правила о преміяхъ за успѣшное лѣсоразведеніе и хозяйственное устройство лѣсовъ, а также правила, регулирующія хозяйство въ станичныхъ лѣсахъ Области Войска Донскаго. Наконецъ, въ 1883 году, кавказскіе лѣса Тургайской Области взяты въ казенное управленіе“.

„Впрочемъ и составленіе общаго положенія о сбереженіи частныхъ лѣсовъ не окончательно было похоронено. Еще въ 1875 году было вновь приступлено къ дальнѣйшей выработкѣ подобнаго положенія. Эти работы привели къ составленію проекта, который и былъ внесенъ графомъ Валевымъ въ государственный совѣтъ. Но такъ какъ проектъ вызвалъ весьма многочисленныя замѣчанія со стороны министровъ, на заключеніе коихъ препровождался, то былъ взятъ обратно въ министерство государственныхъ имуществъ“.

„Эти замѣчанія въ подробности нынѣ разсмотрѣны и составленъ уже новый проектъ основныхъ правилъ сбереженія лѣсовъ частныхъ и общественныхъ, на внесеніе котораго въ государственный совѣтъ министромъ государственныхъ имуществъ испрошено Высочайшее соизволеніе уже годъ тому назадъ. Главнѣйшія положенія новаго проекта направлены къ сохраненію тѣхъ лѣсовъ, которые оказываютъ чисто механическую защиту отъ какихъ-либо вредныхъ вліяній: сдерживаютъ летучіе пески, охраняютъ бе-

¹⁾ Замѣчаніе подобнаго рода можетъ быть сдѣлано только на основаніи несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ, сообщеніе которыхъ мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ на страницахъ газеты.

рега рѣкъ и горные склоны от размывовъ и обрывовъ, сберегаютъ водные источники и т. д. Эти лѣса будутъ выкуплены (?) въ казну и отданы въ казенное управленіе. Для всѣхъ прочихъ, затѣмъ, лѣсовъ, за исключеніемъ наиболѣе лѣсистой части имперіи, предполагается установить лишь одно ограниченіе: воспрещеніе расчистокъ лѣса съ цѣлью обращенія въ другой родъ угодій; но и это ограниченіе налагается не безусловно: положеніе указываетъ порядокъ разрѣшенія расчистокъ незначительныхъ лѣсныхъ участковъ въ мѣстностяхъ не столько малолѣсныхъ, къ каковымъ отнесена вся часть Россіи, лежащая къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Волги, т. е. почти половина Европейской Россіи“.

„Какъ ни скромненъ означенный проектъ, но и онъ остается годъ безъ движенія“.

отчего газета опасается, что лѣсной вопросъ въ нашемъ отечествѣ

„разрѣшится только тогда, когда никакихъ владѣльческихъ и общественныхъ лѣсовъ у насъ не останется, по крайней мѣрѣ въ южной и средней Россіи“¹⁾.

Иначе, по видимому, смотреть на рѣшеніе лѣснаго вопроса въ Россіи корреспондентъ изъ юго-западнаго края въ той-же газетѣ:

„Предлагалось, говорить онъ, къ охраненію лѣсовъ самыя рѣшительныя мѣры, именно, ограниченіе правъ частныхъ владѣльцевъ распоряжаться своими лѣсами, значить, ограниченіе правъ собственности. *Хороша перспектива для частнаго владѣльца — внимательство въ его хозяйственныя дѣла чиновника-лѣсничаго. Всякимъ недоразумѣніямъ, помъхамъ и проч. не было-бы конца.* Но странно, какъ только заходитъ рѣчь о какихъ-либо ограниченіяхъ, по отношенію къ капиталу, говорятъ совсѣмъ иначе; сейчасъ же находятъ, что обязывать желѣзныя дороги топить углемъ, значить нарушить естественный ходъ промышленности; когда наступитъ прямая въ томъ необходимость, желѣзныя дороги будутъ безъ всякаго принужденія отапливаться каменнымъ углемъ, что всякія въ этомъ отношеніи ограниченія и принужденія ведутъ къ излишнимъ расходамъ, а слѣдовательно, къ увеличенію приплатъ со стороны правительства по гарантіямъ...“²⁾.

Газета „Новости“, изложивъ сущность новаго лѣснаго законопроекта, замѣчаетъ:

„Читатели могутъ видѣть, что производу частныхъ владѣльцевъ, въ отношеніи хищническаго лѣсонстребленія, будутъ поставлены границы. Многимъ это, вѣроятно, придется не по вкусу, найдутся и такіе, которые усмотрятъ въ указанныхъ ограниченіяхъ нѣкоторое посягательство на право собственности. Но тамъ, гдѣ сталкиваются частные интересы съ государственными и общественными, останавливаться передъ ограниченіемъ пер-

¹⁾ „Новое Время“, № 2650.

²⁾ Idem, № 2631.

выхъ въ пользу вторыхъ не слѣдуетъ. Если предоставить частнымъ лѣсовладѣльцамъ продолжать по прежнему ихъ хищническое хозяйничанье въ лѣсахъ, то Россія въ непродолжительномъ времени превратится въ пустынную степь“ ¹⁾.

Но этотъ взглядъ передовой статьи на ожидаемое въ ближайшемъ будущемъ рѣшеніе лѣснаго вопроса не раздѣляется, какъ кажется, самарскимъ корреспондентомъ газеты, г. А. Виноградовымъ:

„Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что *никакими мѣрами невозможно прекратить уничтоженіе частныхъ лѣсовъ*, такъ какъ случаи отчужденія въ казну будутъ единичныя и, надо думать, весьма рѣдкія, потому что все дѣло будетъ зависетьъ отъ земскихъ собраний; мѣра эта только паллятивная; даже обязательныя постановленія и правила лѣснаго хозяйства, обусловливающія лѣсосохраненіе, если бы они были навязаны частнымъ владѣльцамъ, не помогли бы дѣлу, такъ какъ каждое правило легко обойти, а наблюдать за его исполненіемъ очень трудно. Лѣсоистребленіе обусловливается не страстью сводить лѣсъ, не фантазійей, а настоятельной нуждой поправить состояніе, образовать или увѣличить оборотный капиталъ; оно обусловливается также обидѣніемъ владѣльцевъ или хищничествомъ невѣжественнаго кулака“.

Далѣе:

„Если уничтоженіе лѣсовъ произвело обмеленіе рѣкъ, если Волга является въ наше время ненадежнымъ путемъ, если Саратовъ лишень пристани, то паллятивныя мѣры, хотя не много и не надолго, помогутъ дѣлу; но если уничтоженіе лѣсовъ произвело измѣненіе климата, а послѣдствіемъ явились неурожай хлѣба и травы, то—какія мѣры тутъ возможны и дѣйствительны? Вѣдь, постоянная необходимость кормить народъ земледѣльской страны кажется болѣшимъ парадоксомъ, чѣмъ указаніе на то, что въ лѣсномъ отношеніи будущность Россіи въ опасности“ ²⁾.

„Современныя Извѣстія“, обсуждая законопроектъ, находятъ его недостаточнымъ:

„Оставаясь въ предѣлахъ цѣли, намѣчаемой проектомъ министерства, газета предлагаетъ къ нему одно дополненіе, очень существенное. Поразите лѣсоистребленіе въ самомъ источникѣ. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на примѣръ, слѣдовало бы допускать не иначе, какъ обязавъ концессионеровъ имѣть при дорогѣ также количество лѣса, которое, при правильномъ лѣсохозяйствѣ, способно было бы питать непрерывно дорогу собственнымъ топливомъ. То же можно сказать о фабрикахъ и заводахъ, дѣйствующихъ паромъ и огнемъ. Имъ должно быть вмѣнено въ обязанность выбирать любое: или употреблять исключительно минеральное топливо, или же обзаводиться лѣсомъ, и при томъ въ такомъ количествѣ, котораго при правиль-

¹⁾ „Новости“ 1883 г., № 184.

²⁾ „Новости“ 1883 г., № 87.

номъ хозяйствѣ хватило бы на заводскія потребности безконечно. Въдѣ дѣло не въ томъ, что лѣса вырубаются: они и должны вырубаться; это есть одна изъ необходимыхъ статей государственнаго хозяйства и одна изъ должныхъ статей государственнаго дохода. Но въ томъ бѣда, что вырубается лѣса, во-первыхъ, хищнически, неправильно и не цѣлесообразно. Этому должна быть противопоставлена цѣлая система государственнаго лѣснаго хозяйства. А вторая, и очень страшная, бѣда въ томъ, что вырубается лѣсовъ ежегодно больше, нежели ихъ вновь произрастаетъ и можетъ произрастать. Обязательство желѣзныхъ дорогъ и вообще заведеній, дѣйствующихъ огнемъ, и послужило бы уравнивающимъ, хотя и далеко не полнымъ“¹⁾.

— „Лѣсной вопросъ“, являясь злобой дня, разрабатывался въ теченіе прошлаго года въ періодической печати и независимо отъ разсмотрѣнія положеній новаго лѣснаго законопроекта, хотя, впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи было высказано что нибудь новое, достойное особеннаго вниманія. Одинъ изъ органовъ печати, оставляя въ сторонѣ хищническое пользованіе лѣсомъ ихъ владѣльцами, главнѣйшую, почти исключительную, причину лѣсоистребленія видитъ въ лѣсокрадствѣ, а потому и старается изыскать удобнѣйшія средства къ его искорененію. Такими средствами этотъ органъ признаетъ возможно широкое развитіе билетной системы и усиленіе строгости наказаній за самовольныя порубки, приравнивая послѣднія къ кражѣ. Лепельскіе землевладѣльцы пошли дальше въ томъ же направленіи: они хлопчутъ о назначеніи наказаній за самовольныя лѣсныя порубки, какъ *за кражу со взломомъ или за грабежъ!*... Противъ того и другаго мы встрѣчаемъ въ газетахъ весьма основательныя возраженія, которыя, въ виду ихъ существенной важности, мы и приведемъ.

Первымъ по времени высказался „Голосъ“, разобравъ въ одной изъ передовыхъ статей мнѣніе „Ветлужскаго Старожила“ объ охраненіи лѣса посредствомъ билетной системы, высказанное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Не разъ, говоритъ эта газета, поднимались у насъ жалобы на невозможность охранять лѣса, на недостаточность дѣйствующаго на этотъ предметъ закона. Мѣры предлагались разныя: нужно усилить наказанія за лѣсныя порубки, нужно признать за показаніями стражи на судѣ силу доказательства, нужно дать ей право производить обыски, нужно — и этотъ планъ разрабатывался съ особымъ усердіемъ — отнять возможность сбывать ворованный лѣсъ. Въ шестидесятихъ годахъ, когда подготавлился законъ.

1) „Новое Время“, № 2655.

объ охраненіи частныхъ лѣсовъ, появился рядъ проектовъ организаціи надзора за лѣснымъ торгомъ; тогда же петербургское общество сельскихъ хозяевъ избрало особую комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса и составленный ею планъ, со всею подробностью, весьма послѣдовательно, до конца, развилъ планъ организаціи этого способа лѣсоохраненія; на провозъ каждаго бревна, на каждый возъ дровъ долженъ былъ выдаваться билетъ; всѣ города и селенія окружались цѣпью рогатокъ; по рогаткамъ размѣщалась земская стража. Лѣсовладѣлецъ получалъ полную возможность совѣтъ не имѣть сторожей: опасаясь быть задержаннымъ на рогаткѣ, нарушитель самъ явится къ нему за билетомъ. Ему оставалось только выдавать билеты да получать деньги¹⁾.

„Размечтавшійся Манплювъ не могъ бы придумать ничего лучшаго. Надъ проектомъ посмѣялись, но дѣло онъ сдѣлалъ. Противъ желанія составителей, онъ со всею очевидностью доказалъ, что, развивая послѣдовательно планъ охраненія лѣса вѣтъ лѣса, нельзя, въ концѣ-концовъ, не дойти до абсурда“.

„Съ тѣхъ поръ проекты организаціи лѣсоохранительной билетной системы затихли, но любители легкихъ способовъ охраненія лѣсовъ, на общественный счетъ, полиціей или земскою стражей, не переведутся, конечно. На дняхъ, въ № 351 „Московскихъ Вѣдомостей“, „Велужскій Старожилъ“ поднимаетъ старую пѣсню: стража не можетъ справиться съ порубщиками, судьи ихъ оправдываютъ, а если и наложить штрафъ, то штрафа взыскать

¹⁾ Любопытна корреспонденція изъ Оренбурга, ясно доказывающая, что и въ настоящее время, при несуществованіи билетной системы, рекомендуемой „Московскими Вѣдомостями“, не трудно испытать, при извѣстныхъ условіяхъ, много неприятностей отъ излишней подозрительности охранителей: „Въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ случилось недавно курьезное обстоятельство. Отставной оицеръ - землевладѣлецъ, имѣющій большой участокъ пахотной земли и лѣсную дачу, послалъ въ свой лѣсъ рабочихъ на 20-ти лошадахъ для заготовки топлива изъ сухоподстога и валежника на предстоящую зиму. Полиція почему-то заподозрила возвращающихся изъ лѣсу работниковъ въ кражу лѣса и заарестовала всѣ двадцать подводъ, при чемъ продержала нѣсколько дней лошадей и рабочихъ. Хозяинъ на дѣйствія полиціи подалъ жалобу товарищу прокурора, при чемъ дозволилъ себѣ въ жалобѣ нѣсколько рѣзкихъ выраженій противъ дѣйствій полиціи. Товарищъ прокурора потребовалъ немедленно отъ полиціи возвратитъ неправильно конфискованный лѣсъ настоящему его владѣльцу, но сдѣлалъ заключеніе о преданіи суду отставнаго оицера за оскорбительныя выраженія, употребленныя имъ въ жалобѣ на дѣйствія полиціи. Оренбургская судебная палата, принявъ во вниманіе убытки, понесенные потерпѣвшимъ при заарестованіи его лѣса, а именно: содержаніе безъ пищи людей и лошадей, потерю въ хозяйствѣ нѣсколькихъ рабочихъ дней, а также вообще отсутствіе всякаго законнаго основанія въ дѣйствіяхъ по этому дѣлу, признала отставнаго оицера совершенно правымъ и отъ суда свободнымъ“. („Новое Время“, № 2473).

нельзя. Остается одно средство охранять лѣса—нужно, чтобы полиція требовала отъ крестьянъ, привозящихъ лѣсъ на рынки и базары, или особые билеты, или особая клейма на бревнахъ, какъ удостовѣреніе, что лѣсъ пріобрѣтенъ законно; нужно, чтобы она „строжайше“ требовала того и другаго отъ скупщиковъ лѣса и особенно отъ тѣхъ, „на которыхъ укажетъ лѣсовладѣлецъ“¹⁾.

„Сама по себѣ, эта корреспонденція не представляетъ, конечно, ни малѣйшаго интереса, но „Московскія Вѣдомости“, опираясь на нее, въ томъ же номерѣ затрогиваютъ общій вопросъ о сбереженіи лѣсовъ — вопросъ, который давно стоитъ у насъ на очереди и скорѣйшее разрѣшеніе котораго вызывается дѣйствительно настоятельными общественными интересами. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, лѣса истребляются у насъ не хищническимъ хозяйствомъ, а лѣсокрадствомъ, которое, будто бы, возрастаетъ въ поразительной прогрессіи и отнимаетъ возможность вести лѣсное хозяйство. Противъ лѣсокрадства и рекомендуется принять планъ, предлагаемый „Велужскимъ Старожиломъ“. Мѣры противъ хищническаго хозяйства, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, хотя и вызываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно настоятельными нуждами, но такого рода мѣры должны быть „завершеніемъ цѣлаго ряда другихъ мѣръ, лѣсоохраненія“, а не началомъ ихъ. А у насъ—говорятъ „Московскія Вѣдомости“—хотятъ начать, смѣшно сказать, съ охраненія лѣсовъ отъ лѣсовладѣльцевъ, а не отъ лѣсокрадцовъ; у насъ думаютъ начать съ конца, а не съ начала“.

„Не для полемики съ „Московскими Вѣдомостями“, а въ виду настоятельности скорѣйшаго принятія мѣръ противъ совершающагося у насъ лѣсоистребленія, считаемъ, говорить „Голосъ“, необходимымъ коснуться фактической стороны затронутаго вопроса“.

„Прежде всего, неутрно, что лѣсокрадство возрастаетъ у насъ въ разительной прогрессіи. Гдѣ лѣсовладѣлецъ принимаетъ надлежащія мѣры охраненія, тамъ лѣсокрадство падаетъ, а не усиливается. Данные изъ годовыхъ отчетовъ лѣснаго вѣдомства, приведенныя „Моск. Вѣдом.“, не досказаны и только потому подтверждають, повидимому, выводъ „Моск. Вѣдом.“ Хотя

¹⁾ Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что защитники билетной системы имѣютъ въ виду прекратить, посредствомъ предлагаемыхъ ими мѣръ, исключительно только *воровство лѣса съ корыстною цѣлью — для продажи*, оставляя безъ всякаго преслѣдованія, если это сдѣлано для собственной надобности, для нуждъ домашняго хозяйства. Поясненіемъ можетъ служить слѣдующая корреспонденція изъ Костромы: „Дешевизною лѣса объясняется то обстоятельство, что здѣсь не считается „порубкой“, дѣяніемъ, преслѣдуемымъ судомъ, пользованіе живымъ лѣсомъ, лишь бы лѣсъ этотъ шелъ, дѣйствительно, въ личное пользованіе: на постройку зданій, разныя подѣлки изъ дерева, а не сплавлялся въ другія мѣстности на продажу. *При постройкѣ дома, вы можете нарубить въ ближайшемъ лѣсу сколько вамъ нужно бревенъ,—зотъ цѣлую десятину вырубите,—никто не сочтетъ это за воровство, никто не притянетъ васъ къ суду: лѣсу здѣсь много, на всѣхъ хватитъ“.* („Новости“ 1883 г., № 8).

съ 1866 года по 1873 годъ число вновь возникающихъ въ теченіе года дѣлъ по лѣснымъ нарушеніямъ возросло съ 11,000 на 37,000, но отсюда нельзя еще дѣлать выводъ, что въ той же мѣрѣ увеличилось число дѣйствительно совершаемыхъ нарушеній. Какъ видно изъ тѣхъ же отчетовъ, лѣсное вѣдомство съ 1869 года приступило къ усиленной реорганизации стражи; съ улучшеніемъ стражи стали открываться порубки, которыя прежде не открывались; увеличилось число не совершаемыхъ, а обнаруживаемыхъ нарушеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *средній размѣръ ущерба, наносимаго порубкой, понизился съ 53 на 21 рубль*. Улучшеніе стражи продолжаетъ совершаться и по настоящее время; число обнаруживаемыхъ нарушеній продолжаетъ возрастать, но средній размѣръ ущерба, наносимаго нарушеніемъ (мы беремъ данныя изъ отчета за 1879 годъ), доведенъ уже до 10 рублей. И это пониженіе средняго размѣра ущерба произошло въ тотъ періодъ, когда цѣны лѣса мѣстами удвоились, даже утроились. Порубки, очевидно, мельчаютъ, прежнія крупныя порубки дѣлаются невозможными, лѣсокрадство въ казенныхъ лѣсахъ падаетъ, а не усиливается, и нѣтъ основанія предполагать, что тѣхъ же результатовъ не можетъ достигнуть и частный лѣсовладѣлецъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ преслѣдованія лѣсныхъ нарушеній дѣйствующій законъ даже даетъ ему нѣкоторыя преимущества передъ казенною администраціей. Судья, въ дѣлахъ по нарушеніямъ, совершеннымъ въ казенныхъ лѣсахъ, опредѣляетъ состоятельность обвиненія только по тѣмъ даннымъ, которыя успѣла до суда собрать лѣсная администрація; по порубкамъ же, совершеннымъ въ частныхъ лѣсахъ, онъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возложить на полицію произвести дополнительное дознаніе или производить это дознаніе самъ. Похитившій лѣсъ въ частной дачѣ обязанъ, сверхъ уплаты штрафа, доставить похищенный лѣсъ обратно въ то имѣніе, откуда онъ похищенъ; лѣсная администрація не можетъ этого потребовать. Она поставлена въ худшія условія, наконецъ, уже однимъ тѣмъ, что не можетъ окончивать дѣлъ полюбовною сдѣлкой и потому вынуждена или каждое самое мелочное дѣло доводить до суда, или на мелочныя порубки смотрѣть съвозъ пальцы, что поощряетъ на новыя порубки. Частный лѣсовладѣлецъ, повторяемъ, поставленъ въ лучшія условія“.

„На первое время надлежащая организація охраненія требуетъ всегда нѣсколько усиленныхъ затратъ; но когда окрестное населеніе убѣдится, что лѣсъ охраняется, расходъ на лѣсоохраненіе легко сводится до той нормы, которую онъ долженъ занимать въ бюджетѣ лѣсовладѣльца. Мы не придаемъ, конечно, значенія сказкамъ о невозможности доказать порубку на судѣ. Вѣдь не формальныхъ доказательствъ требуетъ дѣйствующій порядокъ судовпроизводства. Какъ же не прискаать достаточно данныхъ для подтвержденія справедливаго обвиненія? Что за безпомощность такая, что за слабоуміе! Могутъ быть исключительные случаи, когда всякіе слѣды исчезли, но нельзя же обобщать такія исключенія“.

„Законъ 15 мая 1867 года объ охраненіи частныхъ лѣсовъ, усиленный въ послѣднее время законами 19 января и 23 марта 1882 года (о возвышеніи взысканій за повтореніе порубокъ и о силѣ, на судѣ, показаній протоколовъ), даетъ на столько достаточныя средства въ руки лѣсовладѣльца, что многіе лѣсовладѣльцы, именно со времени изданія этого закона, при-

ступили къ хозяйственному устройству своихъ лѣсныхъ имѣній. Не смотря на наше пристрастіе къ управляющимъ изъ нѣмцевъ и къ управляющимъ изъ малограмотныхъ старостъ, начиная съ 1867 года, до 130 казенныхъ лѣсничихъ приглашены на частную лѣсную службу. Число ихъ съ каждымъ годомъ выростаетъ. Возможность вести лѣсное хозяйство въ дѣйствительности есть; начало, которое, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, отодвигается у насъ въ конецъ, въ дѣйствительности закономъ уже сдѣлано“.

„Но дѣло въ томъ, что нельзя же охранять лѣса однимъ закономъ, нужно имѣть хорошую сіражу, нужно самому быть хорошимъ хозяиномъ, или имѣть дѣльнаго лѣсничаго, а не задаваться маниловскими мечтами о возможности получать доходъ безъ труда и затратъ, ограничиваясь выдачею билетиковъ и возлагая на полицію роль лѣсной стражи! Вотъ именно эти-то любители извлеченія доходовъ дешевыми способами и сводятъ свои лѣса на срубъ, разоряютъ ихъ рубками на прѣискъ безъ всякой заботы о лѣсовладѣніи“¹⁾.

Вскорѣ послѣ появленія этой передовой статьи въ „Голосѣ“, послѣдовали двѣ статьи Г. К-ръ „Лѣсоистребленіе“ въ газетѣ „Новости“, какъ возраженіе противъ новыхъ статей „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Изъ всѣхъ предлагаемыхъ разнообразнѣйшихъ мѣръ къ сохраненію лѣсовъ наиболѣе успѣшными, разумѣется, будутъ тѣ, которыя устраняютъ самыя причины истребленія лѣсовъ; но причины эти, при всей ихъ очевидности, объясняются весьма различно, смотря по тому, на сколько кто близокъ къ лѣсному дѣлу, или на сколько это согласуется съ возрѣніями объясняющаго“.

„Московскія Вѣдомости“, въ № 23 и 25, источникъ всего зла видятъ въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и въ учрежденіи общественныхъ банковъ, а развитіе этого зла—въ либерализмъ. Въ болѣе сильныхъ, нежели убѣдительныхъ, выраженіяхъ „Московскія Вѣдомости“ доказываютъ, что начало усиленнаго истребленія лѣсовъ положено финансовою реформой, создавшей банки въ замѣнъ прежнихъ кредитныхъ учреждений съ ихъ ломбардами. „Помѣщики, лишившись дароваго крѣпостнаго труда и поддержки опекунскаго совѣта, были-де вынуждены роковою необходимостью продавать лѣса за безцѣнокъ спекулянтамъ, которые, спѣша возвратитъ затраченные на покупку капиталы, торопились вырубить купленные лѣса, благо усмился спросъ на дрова, вслѣдствіе быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ. Такъ пагубно для лѣсовъ повліяло положеніе 19 февраля не только на помѣщиковъ, но и на крестьянъ“. Государственные и удѣльные крестьяне, говорится въ № 23, въ прежнее время пользовались лѣсами, подъ наблюденіемъ приставленныхъ для сего особыхъ чиновниковъ; вслѣдъ же за обнародованіемъ положенія 19 февраля 1861 года, эти лѣса были предоставлены въ полную собственность сихъ крестьянъ, почему они тотчасъ же или свели ихъ сами, или продали за сводку“. Это прямая причина

¹⁾ „Голосъ“ 1883 г. № 10.

лѣсоистребленія, косвенная же, но не менѣе важная по своимъ послѣдствіямъ, заключается, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ самовольныхъ порубкахъ: „Наши, тоскующіе по конституціи, либералы“, взявши „подъ свою защиту лѣсныхъ воровъ или пособниковъ и пристанодержателей“ (?) ¹⁾, открыли безнаказанный и „широкій путь къ разгулу воровскихъ топоровъ по чужимъ лѣсамъ“ и приводятъ лѣсовладѣльцевъ въ совершенное уныніе. Въ Тамбовской губерніи одинъ изъ владѣльцевъ, „желая соблюсти“ свои 10 тысячъ десятинъ лѣса, хотѣлъ ввести на сахарномъ заводѣ нефтяное отопленіе, но, не находя у мѣстныхъ властей защиты отъ самовольныхъ порубщиковъ, говоритъ: „Къ чему это? Вѣдь все равно, какъ ни охраняй лѣсъ, его разворуютъ; такъ лучше срубить его подъ корень, чтобы спасти свою собственность“.

„Затѣмъ „Московскія Вѣдомости“ указываютъ мѣры, могущія сберечь лѣса; это необходимость облегченія и удешевленія кредита для землевладѣльцевъ и изданіе закона, который призывалъ бы самовольные порубки къ кражамъ и обязалъ бы крестьянъ, являющихся на базары съ лѣсомъ, имѣть при себѣ удостовѣреніе отъ волостныхъ правленій или помѣщиковъ, что лѣсъ приобрѣтенъ ими (крестьянами) законнымъ путемъ“.

„Дѣйствительно эти причины положили начало истребленію лѣсовъ и эти-ли мѣры останавливать его?“

„Если освобожденіе крестьянъ и упраздненіе ломбардовъ, лишивъ помѣщиковъ крѣпостнаго труда и затруднивъ переходъ отъ даровой работы къ вольнонаемной, заставило ихъ продавать лѣса за безцѣнокъ, то что же заставило, не испытывающихъ этихъ неудобствъ, крестьянъ, а еще болѣе спекулянтовъ, изводить свои лѣса? Необходимость или желаніе получить за нихъ деньги? Но деньги дають только за то, что кому вибудь нужно. „Московскія Вѣдомости“ сами говорятъ: спекулянты „торопились вырубать лѣса, *благо* усилился спросъ на дрова, вслѣдствіе быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ“. Дѣйствительно, безъ этого „блага“ спекулянты не только не торопились бы вырубать, но и совсѣмъ не покупали бы лѣсовъ, даже за безцѣнокъ; и явись это „благо“ при существованіи крѣпостнаго права, лѣса подверглись бы той же участи, какая постигла ихъ теперь“.

„Въ юго-западномъ краѣ истребленіе лѣсовъ идетъ интензивнѣе или, по крайней мѣрѣ, ощутительнѣе, нагляднѣе, нежели въ средней Россіи, а между тѣмъ здѣсь, вслѣдствіе введенія въ 1848 году инвентарныхъ правилъ, переходъ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному былъ далеко менѣе затруднителенъ, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. До 1869 года, а можетъ быть и послѣ, въ Киевской губерніи мужской рабочей день, круглымъ счетомъ въ годъ, обходился 15 копѣекъ, что считалось дешевле крѣпостнаго труда. Опытные хозяева находили выгоднымъ арендовать помѣщичьи имѣнія и даже покупать ихъ; нѣкоторые помѣщики тоже прилади-

¹⁾ „Пристанодержателей въ лѣсныхъ порубкахъ не бываетъ, потому что каждый порубщикъ имѣетъ свое собственное пристанище; но это слово хорошо усиливаетъ звукъ, какъ литавра въ 17 разъ усиливаетъ звукъ контрбаса“.

лись къ дѣлу и остались благополучны, но большинство хозяйничало по складамъ. Дешевый кредитъ опекунскаго совѣта мало или ничего не помогъ бы тамъ, гдѣ надобно было ирѣчься не къ вольнонаемному труду, а вообще къ дѣлу, и деньги изъ банка или изъ ломбарда одинаково ушли бы въ уплату за науку, никому не дающуюся даромъ“.

„Значеніе самовольныхъ порубокъ въ общемъ истребленіи лѣсовъ „Московскія Вѣдомости“ также преувеличили. Порубки существуютъ, онѣ даже являются большимъ зломъ въ хозяйствѣ, потому что вызываютъ значительные расходы на охрану; это пренепріятнѣйшая штука, не дающая задремать карасю; но нѣкоторая доля отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ должна падать и на самихъ хозяевъ. Чѣмъ слабѣе охраняется лѣсъ, тѣмъ порубки чаще и крупнѣе. Лѣтъ 14 назадъ, недалеко отъ границы Липовецкаго уѣзда случилась крупная, самовольная порубка владѣльческаго лѣса, произведенная цѣлымъ обществомъ крестьянъ при участіи сельскаго старосты; открылась она не скоро и то благодаря только конкуренціи, вызванной владѣльцемъ при покупкѣ своего же краденаго лѣса. Дѣло началось у судебного слѣдователя при обстоятельствахъ, исключавшихъ „тоску по конституціи“; на слѣдствіи владѣлецъ узналъ, что порубка производилась ежедневно въ продолженіе цѣлой недѣли и какъ разъ въ то время, когда, за выпавшимъ аршиномъ на полтора снѣгомъ, лѣсная стража сочла излишнимъ наблюдать за лѣсомъ и на долго прекратила обходъ своихъ участковъ. Подобныхъ примѣровъ можно указать много. Гдѣ владѣльцы заботятся о своемъ лѣсѣ, тамъ, пока, порубки незначительны. Вообще, порубки зависятъ отъ хозяйственныхъ мѣръ, принимаемыхъ для сбереженія лѣса, къ которымъ между прочимъ слѣдуетъ отнести дозволеніе крестьянамъ за плату, или за службу, убирать валежникъ, хворостъ и остатки отъ заготовленія дровъ; при такихъ условіяхъ борьба съ порубками возможна и ужъ никакимъ образомъ не поведетъ къ вырубкѣ лѣса „подъ корень“, для того только, чтобы предохватить свою собственность у похитителей. Если бы кто намѣревался ввести нефтяное отопленіе сахарнаго завода, чтобы 10,000 десятинъ своего лѣса соблюсти для пополненія уровня воды въ обмелѣвшихъ рѣкахъ и для смягченія климата, то ему порубки всегда помѣшаютъ; но если это дѣлается по сравнительной дешевизнѣ нефтянаго отопленія и тѣмъ выгодамъ, какія лѣсъ обѣщаетъ въ будущемъ,—съ увѣренностью можно сказать, что самовольныя порубки этого не остановятъ“.

„Нельзя, однако, не согласиться съ *основною* мыслью „Московскихъ Вѣдомостей“, что форсированное истребленіе лѣсовъ обязано своимъ началомъ той непривычной обстановкѣ, въ которой мы очутились, движимые вѣднѣею силою по незнакомому, новому для насъ, пути. Отъ сильнаго, направленнаго сверху, толчка все перемѣшалось: верхній слой опустился на дно, поддонки всплыли на верхъ. Созиданіе вавилонскаго столпа оная окончилось смѣшевіемъ языковъ, съ тою разницею, что теперь перестали понимать уже и самихъ себя. Продолжая сравненіемъ изъ той же глубокой древности,—въ которую невольно уносимся, подъ мрачными сводами таинственныхъ лѣсовъ, превратившихся, впрочемъ, теперь въ тонкое и гибкое орудіе, путеводящее къ уму разуму, придется сказать, что пока Моисей отсутствовалъ за полученіемъ законовъ, мы воздвигли золотого тельца и въ

усердномъ поклоненіи ему принесли много жертвъ, въ томъ числѣ и вѣковые лѣса“.

„Истребленіе лѣсовъ произошло отъ нехозяйственнаго обращенія съ ними и отъ усиленной рубки, вызванной чрезмѣрнымъ спросомъ на древесный матеріалъ. Грандіозныя сооруженія желѣзнодорожныхъ линій сразу потребовали множество строеваго матеріала на постройку и ремонтъ станцій, сторожевыхъ будокъ, телеграфныхъ столбовъ, шпаль и проч.; послѣднія перегнываютъ въ 10 разъ скорѣе, нежели успѣетъ вырости годное въ дѣло новое дерево на мѣстѣ срубленнаго. Затѣмъ потребовались дрова въ такомъ количествѣ, какого естественный приростъ сосѣднихъ лѣсовъ не могъ дать ¹⁾. Еще раньше желѣзныхъ дорогъ много дровъ въ югозападномъ краѣ потребляли сахарные заводы; послѣ же изданія закона о пошлннѣ съ заграничнаго сахара, спекуляція съ такимъ усердіемъ накинута на устройство сахарныхъ заводовъ, что въ короткое время число ихъ увеличилось въ нѣсколько разъ; составлялись компаніи, покупались лѣса на срубъ, на непродолжительный срокъ, почти все евреями, и рубились на чистоту, подъ бритву. Однако, все это было только очень усиленное потребление, но не истребленіе, паровики желѣзныхъ дорогъ и заводовъ могли отапливаться, захватывая лѣсъ все больше и больше, пока не отодвинули бы лѣсосѣкъ на такое разстояніе, откуда доставка дровъ къ мѣсту потребления сравнялась бы съ цѣною каменнаго угля; затѣмъ, лѣтъ черезъ 40—80 дрова, изъ обновившихся лѣсовъ, опять вытѣснили бы уголь. Такъ бы оно, вѣроятно, и случилось, если бы общее теченіе обстоятельствъ позволило помѣщикамъ думать о будущемъ; настоящее же показываетъ, что послѣ срубки лѣса выгодно обратитъ землю подъ пашню, нежели оставить ее подъ зарослѣю. Въ № 23 „Московскихъ Вѣдостей“ голосъ лѣсовладѣльца хотя и говоритъ, что „естественный приростъ лѣса даетъ хорошій процентъ на затраченный капиталъ“, но едва ли съ этимъ можно согласиться“.

Затѣмъ слѣдуютъ извѣстныя всѣмъ специалистамъ доказательства основательности этихъ сомнѣній, причемъ авторъ пользуется данными изъ учебника Лѣсной Таксаціи „патріарха и знатока нашего лѣсовѣдѣнія *Θ. К. Арнольда*“.

„Кромѣ спроса на дрова, продолжаетъ г. К-ръ, и неравновѣсія прибылей отъ полеваго и лѣсваго хозяйства, есть еще одна, и, кажется, самая главная причина гибели нашихъ лѣсовъ; это плохое наше хозяйство или обращеніе съ лѣсомъ. Пастьба скота на срубкахъ, сѣнокосеніе, несвоевременная вывозка матеріала, все направлено къ захудѣнію и вымиранію лѣса: въ лучшихъ лѣсныхъ хозяйствахъ югозападнаго края еще и теперь рубятъ 40 лѣтнюю березу, чтобы изъ вѣтвей связать 4—5 метель; если рабочій, вывозя дрова или матеріалъ, зацѣпилъ осью за дерево, то не по-

¹⁾ По словамъ „Южно-Русскаго Горнаго листка“ ежегодное потребленіе лѣса нашими желѣзными дорогами достигаетъ колоссальной цифры—169 милліоновъ кубическихъ футовъ („Прав. Вѣстн.“ 1883 г., № 70).

зоветъ товарищей помочь ему осадить возъ назадъ, а всегда срубить дерево. Не только на югѣ,—во всей Россіи дѣлается тоже“¹⁾).

Далѣе во второй статьѣ г. К-ръ встрѣчаются слѣдующія достоянія вниманія мѣста:

„Предлагаемыя „Московскими Вѣдомостями“ мѣры, какъ направленныя не къ главной цѣли, не оставляютъ общаго истребленія лѣсовъ, но осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, *приравненіе самовольныхъ порубокъ къ кражѣ* оказало бы услугу лѣсному хозяйству, облегчило лѣсовладѣльцовъ и подняло бы нравственность крестьянъ. Вотъ почему оно было бы желательнымъ, если не вообще, то хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ“²⁾).

„Двадцать лѣтъ назадъ, когда составлялся законъ о самовольныхъ порубкахъ, лѣсное хозяйство частныхъ владѣльцевъ было въ другихъ условіяхъ, нежели теперь. Проектъ закона составлялся и обсуждался такими лицами, изъ которыхъ каждое имѣло свой лѣсъ и, несмотря на то, что „никто себѣ не врагъ“, они не нашли возможнымъ карать порубки тюремнымъ заключеніемъ. Лѣса въ то время имѣли незначительный сбытъ, доставляли много удовольствія во время охоты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не соединяли пріятнаго съ полезнымъ. На югѣ и западѣ Россіи, въ частныхъ лѣсахъ, и тогда уже были лѣсничіе, и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ—зачатки лѣсоустройства. Но по другую сторону Днѣпра ни лѣснаго хозяйства, ни даже охраны—почти не существовало“.

„На изобилующемъ лѣсами сѣверѣ Россіи едвали и въ настоящее время можно приравнивать всякую самовольную порубку къ кражѣ“³⁾). „Совершенно въ другихъ условіяхъ находятся лѣса въ населенныхъ и малолѣсныхъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи, и самовольныя порубки имѣютъ здѣсь иной характеръ; здѣсь почти каждый лѣсъ окопанъ рвами, или огороженъ, охрана владѣльцу обходится до рубля съ десятныя ежегодно, сторожевыя караулки почти на каждой верстѣ, а вблизи селеній—и ближе версты. Здѣсь порубщикъ вполнѣ сознаетъ, что дѣлаетъ не самовольство, а кражу: порубка заранѣе обдумывается, совершается по уговору; въ лѣсъ отправляются ночью; одинъ наблюдаетъ за лѣснымъ сторожемъ и подаетъ сигналъ въ случаѣ опасности, другой со всевозможными предосторожностями пилитъ дерево и потомъ тщательно и искусно скрываетъ слѣды порубки; придумываются усовершенствованные способы и орудія похищенія“. При такихъ условіяхъ, взыскаііе за лѣсную порубку двойной стоимости найденнаго у похителя матеріала, если и не поощряетъ къ „широкому разгулу воровскихъ тоновъ по чужимъ лѣсамъ“, то все-же, отчасти, является для меньшей братіи чѣмъ-то въ родѣ игры безъ проигрыша: раза два-три сойдегъ, въ особенноти если сторожъ свой человекъ, въ четвертый—можно залатить: не

¹⁾ „Новости“ 1883 г., № 13.

²⁾ Слѣдуетъ сравнить съ корреспонденціей газеты „Nowiny“, приведенной выше.

³⁾ Подтверженіемъ служить сообщеніе изъ Костромы, помѣщенное въ выноскѣ выше.

будеть въ убытокъ. Въ другихъ случаяхъ лѣсонарушенія, напр. при самовольномъ сборѣ ягодъ, фруктовъ и т. п., законъ различаетъ огражденные и охраняемые лѣса отъ свободно доступныхъ каждому и, сообразно тому, наказуетъ за кражу или за самовольство; установитъ такое же различіе и для лѣсныхъ порубокъ не представитъ ни затрудненія, ни неудобства. Поэтому, *изданіе закона, приравнивающаго самовольныя порубки, въ огражденныхъ и охраняемыхъ лѣсахъ, къ кражѣ, было бы въ настоящее время само по себѣ справедливымъ, для хозяйства—желательнымъ и—равно для всѣхъ—необходимымъ*²⁾.

„Итакъ, говорить въ заключеніе г. К-ръ, по нашему мнѣнію, истребленіе лѣсовъ происходитъ: *медленное*—отъ отсутствія правильнаго хозяйства въ частныхъ лѣсахъ и варварскаго обхожденія съ деревомъ, по незнанію условій его жизни; отъ малопродуктивности лѣса, сравнительно съ пахотною землею, возростанія земледѣльческаго класса народонаселенія и усовершенствованія орудій, расширившихъ область полеводства, *быстрое* же—отъ замѣны двигателей паровою силою, создавшей удобные пути сообщенія и разившей фабричную и заводскую промышленность, и, наконецъ, отъ естественнаго роста процентовъ, направляющаго капиталъ на предпріятія, не допускающія продолжительной затраты, чего никто остановить не въ силахъ“³⁾.

Наконецъ, въ газетѣ же „*Новости*“, въ передовой статьѣ, подробно разсмотрѣно *ходатайство Лепельскихъ землевладѣльцевъ*:

„Въ печати уже довольно опредѣленно установленъ взглядъ крестьянъ на пользованіе лѣсомъ, какъ казеннымъ, такъ и частнымъ. Порубки не считаются преступнымъ дѣяніемъ, и крестьяне, истребляя чужой лѣсъ, по ихъ мнѣнію, не берутъ на душу никакого грѣха. Законодательство наше, съ своей стороны, относится довольно снисходительно къ виновнымъ въ порубкахъ, что, конечно, еще болѣе укрѣпляетъ издавна сложившійся взглядъ крестьянина на порубки, когда лѣсовъ было много и они не имѣли той цѣнности, какую представляютъ теперь“.

„Такъ какъ въ настоящее время производится пересмотръ нашего уложенія о наказаніяхъ, то этимъ обстоятельствомъ воспользовались *землевладѣльцы Лепельскаго уѣзда* и обратились чрезъ посредство Витебскаго губернатора къ министру юстиціи съ представленіемъ о тѣхъ недостаткахъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, которые особенно дурно вліяютъ на наше общественное и экономическое положеніе, а именно чрезмѣрно усиливаютъ число кражъ и порубокъ лѣса, конокрадства, поджоговъ и, вообще, проступковъ и преступленій противъ правъ чужой собственности. Повсемѣстное распространеніе этихъ преступленій, по мнѣнію Лепельскихъ землевладѣльцевъ, поддерживается, главнымъ образомъ, слабостью и безнаказанностью въ нашемъ законодательствѣ, почему уваженіе къ чужой собственности сдѣлалось рѣдкою добродѣтелью. *Рубить лѣсъ не только бѣдные, но и сравнительно достаточные и даже богатые крестьяне.*

²⁾ „*Новости*“ 1883 г., № 14.

Лѣсной Журналъ, № 2. 1884 г.

По ст. 154 уст. о наказ., похищеніе лѣса признается лишь тогда за кражу, когда похищенный лѣсной матеріалъ былъ сложенъ или заготовленъ, причемъ виновные подвергаются наказанію, опредѣленному за кражу (ст. 149—172). Во всѣхъ другихъ случаяхъ, по ст. 155, похищеніе изъ лѣса деревь и самовольныя порубки составляютъ особый видъ преступленія, наказуемый отобраніемъ похищеннаго и денежнымъ взысканіемъ, равнымъ двойной цѣнѣ похищеннаго. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, опубликованное указомъ сената отъ 23 апрѣля 1882 года о наказаніяхъ за похищеніе и самовольную порубку лѣса по ст. 155 и 156, правда, нѣсколько усиливаетъ наказаніе, допуская для рецидивистовъ и при нѣкоторыхъ увеличивающихъ вину обстоятельствахъ—заключеніе. Но, по мнѣнію Лепельскихъ землевладѣльцевъ, преступленіе это, на практикѣ, является ненаказуемымъ, во первыхъ потому, что лѣсной воръ часто, прежде чѣмъ будетъ пойманъ на одномъ бревнѣ, не имѣющимъ почти никакой цѣнности, успѣлъ испортить, порубить, скрыть и вывести большое количество всякаго лѣснаго матеріала; а, во вторыхъ, при невозможности скрыться, принуждается къ уплатѣ нѣсколькихъ десятковъ копѣекъ за кражу на десятки и сотни рублей; игра оказывается не стоющею свѣчь. Судебныя издержки и трата на разъѣзды обойдутся дороже, чѣмъ стоитъ порубленный и отобранннй лѣсъ. Дѣло усложняется еще тѣмъ, что укрыватели и скупщики завѣдомо похищеннаго лѣса подвергаются только денежному взысканію, безъ замѣны послѣдняго, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ“.

„Словомъ, законъ смотритъ на порубку, какъ на самовольное пользованіе, — проступокъ, наказуемый въ слабой степени. Это именно обстоятельство и побудило Лепельскихъ землевладѣльцевъ обратиться съ своимъ заявленіемъ къ министру юстиціи съ просьбою *усилить наказуемость за кражу лѣса*. Кража лѣса, по ихъ мнѣнію, по приговору и наличности злаго умысла, составляетъ болѣе преступное дѣяніе, чѣмъ многіе другіе проступки, наказуемые тюремнымъ заключеніемъ, и *можетъ быть приравнена къ кражѣ со взломомъ или грабежу*. Покушающійся на порубку или кражу лѣса, дѣлаетъ необходимыя приготовленія къ совершенію преступленія и дѣйствуетъ топоромъ или пилой. Въ силу вышеприведенныхъ соображеній, Лепельскимъ землевладѣльцамъ желательно, чтобы ст. 154, 155 и 156 были редактированы въ томъ смыслѣ, что *за кражу лѣса или лѣсныхъ произведеній, за самовольную порубку въ лѣсахъ, зотя и безъ вывоза срубленныхъ деревь, а также за укрывательство или покупку завѣдомо похищеннаго лѣса, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за кражу (ст. 169—172)*“.

„Мы, конечно, понимаемъ скорбь Лепельскихъ землевладѣльцевъ и желаніе ихъ оградить свои лѣса отъ истребленія, но очень сомнѣваемся въ цѣлесообразности избраннаго ими средства. *Усиленіе наказанія не уменьшитъ порубокъ*, потому что порубки совершаются, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе крайней нужды въ топливѣ или строительномъ матеріалѣ, пріобрѣсти который на деньги крестьяне не въ состояніи. Мы не отрицаемъ того, что существуютъ лѣсные воры, сдѣлавшіе себѣ изъ порубокъ особый и предосудительный промыселъ, но такихъ, вѣроятно, немного и, ради же-

стокаго наказанія послѣднихъ, нѣтъ еще надобности губить тѣхъ, которые рѣшаются на преступленіе изъ нужды. По нашему мнѣнію, законодательство наше совершенно достаточно караетъ виновныхъ въ порубкахъ, и потому въ усиленіи наказанія не представляется никакой надобности. Подобное усиленіе лишь усугубить осторожность со стороны порубщиковъ, истребленіе же лѣса будетъ производиться въ прежнихъ размѣрахъ“.

„Не объ усиленіи наказаній слѣдуетъ хлопотать землевладѣльцамъ, а о рациональной охранѣ своихъ лѣсовъ. Законъ даетъ имъ достаточныя гарантіи для поддержки ихъ правъ собственности, остальное—уже ихъ дѣло. Полное же искорененіе указаемаго зла достигнимо лишь путемъ обезпеченія крестьянскаго населенія лѣсными участками и поднятіемъ экономическаго благосостоянія населенія. Очень вѣроятно, что нѣкоторое содѣйствіе осуществленію первой задачи окажетъ недавно учрежденный крестьянскій банкъ. Однако, на силы одного кредитнаго учрежденія, въ данномъ случаѣ, полагаться не слѣдуетъ“¹⁾.

Лучшимъ доказательствомъ того, что лѣсокрадство, во многихъ случаяхъ, вызывается крайнею нуждою—невозможностью приобрѣсти инымъ путемъ необходимо нужное—можетъ служить слѣдующая корреспонденція изъ г. Пинеги (Архангельской губ.):

„Въ силу Всемилостивѣйшаго манифеста въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ прекращено начавшееся еще въ 1866 году дѣло о 400 крестьянахъ, обвинявшихся въ порубкѣ лѣса, совершенной ими при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Нуждаясь въ лѣсѣ для построекъ послѣ пожара, истребившаго все село, крестьяне обратились куда слѣдуетъ съ прошеніемъ о дозволеніи имъ вырубить извѣстное количество бревенъ изъ казенной дачи, но проходили мѣсяцы, а съ ними и время, удобное для строительныхъ работъ, отвѣта же не получалось, такъ какъ для удовлетворенія этого ходатайства, при мѣстныхъ бюрократическихъ порядкахъ, предстояло списаться между собою пяти инстанціямъ, на что требовалось не менѣе года времени. Крестьяне не выдержали и произвели „порубку“. Ихъ, конечно, поймали, составили актъ, привлекли къ суду, подъ которымъ они и обрѣтались до манифеста; самое „дѣло“ разрослось въ нѣсколько томовъ и назначалось къ слушанію разъ десять, но всегда откладывалось подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами, ибо составить докладъ о немъ потребовало бы массу труда и времени. Интересно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ совершенія порубки, получилось разрѣшеніе, котораго такъ ждали крестьяне раньше, но подъ-судомъ они все-таки остались“²⁾.

Въ „Кълевской Газетѣ“ находимъ подтвержденіе давно извѣстной истины, что невѣжество народа, грубость и незнаніе постановленій закона часто бываютъ причиною преступленія:

¹⁾ „Новости“ 1883 г., № 32.

²⁾ „Новое Время“, № 2660.

„Недалеко отъ губернскаго города Кѣлецъ есть деревня Костомлотъ, крестьяне которой, *услыжавъ отъ кого-то*, что всякія нападенія на казенныя лѣса и порубки *будутъ прощены манифестомъ*, по случаю коронаціи выданнымъ, захотѣли воспользоваться сколь возможно обширнѣе этою будущею милостію: собрались кучей и, *придя въ ближайшій казенный лѣсъ*, стали его рубить, дерево за деревомъ. Проходившіе мимо охотники дали знать лѣсническому: онъ прибылъ немедленно и увѣщаніями и угрозами остановилъ рубку. Но было уже *повалено 300 огромныхъ деревьевъ!*...“¹⁾

— Изъ судебной уголовной хроники прошлаго года мы занесяемъ на страницы нашей лѣтописи слѣдующіе факты:

А. Убийства охранителей лѣса. Въ газетѣ „Lodzer Zeitung“ извѣщаютъ о совершенномъ въ окрестныхъ лѣсахъ *между деревнями Тушиномъ и Бобами* преступленіи:

„Найденъ лежащимъ на кучѣ вѣтвей *лѣсничій* съ разсѣченною топоромъ головой. Топоръ, которымъ совершено преступленіе, лежалъ подлѣ. Убийца не отысканъ. Подозрѣваютъ торговца метлами, котораго покойный лѣсничій не разъ ловилъ въ лѣсу на порубкѣ и отдавалъ въ распоряженіе властей“²⁾.

„Голосъ“ сообщаетъ, что въ январѣ прошлаго года

„около слободы Молдовой, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи, *убитъ лѣсникъ Чулуево-Бобчанскаго лѣсничества, Алексѣенко*. Подозрѣваютъ крестьянина, который арестованъ“³⁾.

Въ „Екатеринославскій Листокъ“ пишутъ, что однимъ изъ крестьянъ *деревни Смориши* (Екатеринославскаго уѣзда) сдѣлано *покушеніе на жизнь нѣмецкаго лѣсничаго* (изъ дер. Свистуновой):

„Лѣсничій получилъ семь ударовъ обухомъ топора въ голову и остался живъ, благодаря только своевременно поданной ему медицинской помощи“⁴⁾.

Б. Убийство лѣсокрадцовъ. „Недалекъ отъ города *Бѣлгорода* (Курской губ.), читаемъ въ газетѣ „Голосъ“, расположенъ лѣсъ, гдѣ особенно сильно развилось въ послѣднее время лѣсокрадство. Лѣсникъ заявилъ волостному правленію, что онъ положительно отказывается нести отвѣтственность за разграбленіе лѣсныхъ матеріаловъ, такъ какъ никакими разумными мѣрами удержать своеволие лѣсокрадцовъ становится невозможно. Единственный путь, по мнѣнію лѣсника, проучить воровъ — „*подстрѣлить*“ тѣхъ, которые будутъ захвачены на мѣстѣ преступленія. Волостное правленіе, хотя не дало officialнаго разрѣшенія на такой изумительный способъ охраны своего имущества, но и не нашло нужнымъ образумить лѣсника, такъ какъ вскорѣ же произошелъ въ дѣйствительности случай наказанія лѣсокрадцовъ посредствомъ „*подстрѣливанья*“. Вооружившись съ ногъ до головы, какъ огнестрѣльнымъ,

¹⁾ „Новое Время“, № 2775.

²⁾ Idem, № 2561.

³⁾ „Голосъ“ 1883 г., № 35.

⁴⁾ „Екатеринославскій Листокъ“ 1883 г., № 14.

такъ и холоднымъ оружіемъ, лѣсникъ началъ выжидать жертву, которая не заставила себя долго ждать: явилось трое мужиковъ, намѣревавшихся запариться „дровишками“. Раздался выстрѣлъ и *одинъ изъ лѣсокрадцовъ палъ мертвымъ*; зарядъ изъ втораго ружейнаго ствола *положилъ на мѣсть другого мужика*; оставшійся въ живыхъ третій мужикъ бросился на убійцу. Между ними завязалась страшная борьба, кончившаяся для мужика также трагически: *лѣсникъ употребилъ въ дѣло топоръ и изрубилъ противника*¹⁾.

В. Грандіозная самовольная порубка. Во Владимірскомъ окружномъ судѣ разсматривалось, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, весьма интересное дѣло:

„65 крестьянъ, Судогодскаго уѣзда, деревень Гришки и Савинской, обвинялись въ самовольной порубкѣ лѣса въ дачахъ г-жи Дружининой. На судѣ явились всѣ подсудимые, занявшіе почти всю залу засѣданія. Обстоятельства дѣла весьма просты: не получивъ въ надѣлъ лѣса, и вынужденные необходимостью прибѣгнуть для удовлетворенія крайней нужды въ топливѣ къ порубкамъ въ помѣщичьихъ дачахъ, они *въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вырубали 23 десятины лѣса*. Въ Судогодскомъ уѣздѣ, по преимуществу лѣсномъ, лѣсъ не имѣетъ значительной стоимости. Производство по этому дѣлу тянулось довольно долго, и когда пришлось разсматривать его въ судѣ, то многіе свидѣтели хорошенько и не могли передать сущность дѣла. Судомъ постановлено: *взыскать съ каждаго изъ крестьянъ по 600 руб., а всего, въ случаѣ невозвращенія ими порубленнаго лѣса, присуждено 65,464 руб. въ пользу г-жи Дружининой*“²⁾.

„Новое Время“ слышало, что

„въ непродолжительномъ времени въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената предстоитъ разбирательство дѣла, возникшаго между министерствомъ государственныхъ имуществъ и крестьянскими обществами Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи *изъ-за 24,000 десятинъ лѣса, по поводу неправильнаго будто бы вырубанія послѣдняго крестьянами въ теченіи болѣе 20 лѣтъ*“³⁾.

„Въ общемъ собраніи всѣхъ кассационныхъ и 1-го департаментовъ правительствующаго сената слушалась 12 декабря апелляціонная жалоба князя Туманова на рѣшеніе соединеннаго присутствія перваго и гражданскаго кассационнаго департаментовъ сената *по иску его, Туманова, съ министра государственныхъ имуществъ убытковъ*. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: Высочайше утвержденнымъ, 9 мая 1877 года положеніемъ Кавказскаго комитета, предоставлено было отдать Бзыбскій участокъ Сухумскаго отдѣла въ эксплуатацію частнымъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы утвержденіе условій, на которыхъ состоится эта отдача, послѣдовало не иначе, какъ по соглашенію мѣстнаго начальства съ министромъ государственныхъ имуществъ. Кавказскія власти и представили князя Тума-

1) „Голось“ 1883 г., № 31.

2) „Новости“ 1883 г., № 225 и „Петербургская Газета“ 1883 г., № 313.

3) „Новое Время“, № 2471.

нова, какъ наиболѣе выгоднаго, по ихъ мнѣнью, контрагента. Но статсъ-секретарь Островскій, по разсмотрѣннн этого предствленія, нашель, что условія князя Туманова далеко не такъ выгодны, какъ они кажутся, что, наоборотъ, они во многомъ расходятся съ тѣми рамками, которыя поставило упомянутое Высочайше утвержденное положеніе (такъ наприм., князю Туманову предоставлялось вырубать и вывозить самшитъ въ этомъ участкѣ, въ какомъ количествѣ онъ ни пожелаетъ; такса на самшитъ утверждалась сразу на 12 лѣтъ впередъ и т. д.), а потому и вошелъ, въ свою очередь, съ отношеніемъ къ князю Дондукову - Корсакову, въ которомъ полагалъ вопросъ объ эксплоатаціи Бзыбскаго участка оставить пока открытымъ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ статсъ-секретаря Островскаго, находилъ полезнымъ ходатайствовать объ отмѣнѣ положенія 9 мая 1877 года. Эта отмѣна и послѣдовала въ августѣ 1882 года. Не получивъ, такимъ образомъ, обѣщаннаго участка, князь Тумановъ вошелъ въ соединенное присутствіе съ искомымъ прошеніемъ, въ которомъ, объясняя, что онъ еще въ 1875 году вошелъ въ переговоры съ Кавказскимъ начальствомъ объ отдачѣ ему этого участка, что, именно вслѣдствіе того, что начальство еще тогда согласилось на его условія, оно и рѣшилось ходатайствовать объ отдачѣ Бзыбскаго участка въ эксплоатацію, что, такимъ образомъ, положеніе 9 мая непосредственно касается его, а не кого другаго, и что министръ государственныхъ имуществъ неправильно не отдалъ ему участка, — просилъ о предоставленіи ему права отыскивать съ статсъ-секретаря Островскаго убытки. Соединенное присутствіе, 29 ноября 1883 г., опредѣлило: *въ искъ князю Туманову за бездоказательностью отказать*. На это рѣшеніе истецъ и принесъ апелляціонную жалобу, въ которой разсказалъ приведенныя имъ въ искомомъ прошеніи положенія. Въ засѣданіе явился лишь одинъ повѣренный статсъ-секретаря Островскаго, г. Губарь, объяснившій, что 1316 статья устава гражданскаго судопроизводства представляетъ отыскивать убытки съ должностныхъ лицъ, вслѣдствіе нарушенія ими чьего нибудь права. Но князь Тумановъ не имѣлъ никакого права на Бзыбскій участокъ, въ договоръ съ нимъ никто не вступалъ по этому поводу; онъ имѣлъ только одни обѣщанія, но это еще не даетъ права на предъявленіе иска объ убыткахъ. Исполняющій обязанности оберъ-прокурора, сенаторъ Д. Б. Беръ, въ своемъ заключеніи, совершенно согласился съ выводами повѣреннаго статсъ-секретаря Островскаго. Общее собраніе опредѣлило: *апелляціонную жалобу князя Туманова оставить безъ послѣдствій*¹⁾.

В. С.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

1) „Новости“ 1883 г., № 257.

IV. Извѣстія о личномъ составѣ корпуса лѣсничихъ.

(Приказы по корпусу лѣсничихъ 1884 г. №№ 4—6. Приказанія 1884 г. №№ 4—7).

<i>Фамилія.</i>	<i>Нынѣшнія званія или должность.</i>	<i>Новыя званія или должность, награды, производство въ чины и пр.</i>
Каміони.	Состоящій по корпусу лѣсничихъ.	Лѣсничій I Владимір. II разр. Волынской губ.
Раунеръ.	Ученый Лѣсоводъ I разр.	Лѣсн. Керев. III р. Пенз. г.
Дзичковскій.	И. д. младш. запасн. лѣсн.	И. д. лѣсн. Брянс. II р. Орловск. губ.
Дельвигъ.	Старш. запасн. лѣсничій.	} Орд. Св. Владиміра 4 ст. за 35 лѣтнюю службу.
Ржевуцкій.	Лѣснич. Лютинск II р. Подольск. губ.	
Витте.	Лѣснич. Курлянд. губ.	
Жуковъ.	Помощи. лѣсн. Вятск. г.	И. д. лѣснич. Порѣке. I р. Вятс. губ.
Зубелевичъ.	Лѣсн. Порѣкск. I р. Вятск. губ.	Лѣсн. Коксинскій I р. Вятской губ.
Корзунъ.	Младшій таксаторъ	Участков. лѣсн. Алтайск. горнаго окр.
Трусовъ.	Младш. запасн. лѣсн.	На частную службу, для завѣдыванія лѣсами графа А. Д. Шереметева въ Моск. губ.

Фамили.	Ныѣшнія званія или должность.	Новыя званія или должность, награды, производство въ чины и пр.
Пожирицкій.	Лѣсн. конд. Кіевской г.	На частную службу, для завѣдыванія лѣсами коммерціи совѣт. Толли въ Волжской губ.
Васильевъ.	Тоже Курской губ.	Тоже графини Н. П. Павиной въ Костромск. губ.
Лебедевъ.	Лѣсн. конд.	Тоже княгини Е. X. Абамелекъ Лазаревой Перм. г.
Буйцевъ.	Тоже.	Тоже графини Строгоновой въ Пермской губ.
Богатко.	Лѣсн. ревиз. Петроков. лѣсн. окр.	
Чаплицкій.	Надлѣсн. Петроковск. лѣсничества.	
Краєтъ.	Тоже Олькушск.	Зачисляются въ корпусъ лѣсничихъ.
Піотровскій.	Тоже Велюнск.	
Козловскій.	Подлѣсничій Влацлав. лѣснич.	
Чарнецкій.	Дѣйств. студ. лѣсов. Петровск. Акад.	Помощ. лѣсн. Костром. г.
Александровичъ.	Ученый лѣсоводъ II р. Сиб. лѣсн. Инст.	Тоже Архангельской г.
Лянгертъ.	Тоже	Тоже Смоленск. губ.
Гохлякъ.	Не имѣющій чина двор.	Тоже Черниговской губ.
Штурмъ.	Ученый лѣсоводъ I р. Сиб. лѣснаго Института.	Тоже Владимірской губ.
Трофимовъ.	Откомандированный на частную службу	Тоже Пермской губ.
Люцерновъ.	Дѣйств. студ. лѣсов. Петровск. Акад.	Тоже Таврической губ.
Ланинъ.	Лѣсн. конд. на лѣсоуст. работахъ	Тоже Курляндской губ.
Аувинайнъ.	Тоже	Тоже Архангельской г.

<i>Фамиліи.</i>	<i>Нынешнія званія или должность.</i>	<i>Новыя званія или должность, награды, производство въ чины и проч.</i>
Рогіевскій.	Лѣсн. конд. Смолен. губ.	Пом. лѣсн. Пензенск. губ.
Островскій.	Лѣсн. конд. Костром. г.	Увольняются по случаю поступления въ войска для отбыванія военной повинности. Увольняются отъ службы, по прошенію.
Яцкевичъ.	Тоже Херсонск. губ.	
Жуковскій.	Тоже Смолен. губ.	
Лабунскій.	Тоже Архангельск. губ.	
Влосельдъ.	Лѣснич. Спасск. I разр. Казанской губ.	
Ардашевъ.	Лѣсн. конд. Бакинск. г.	
Энгель.	Тоже С.-Петербур. губ.	